

Идентичность и меняющаяся роль столиц в эпоху глобализации

СКОТТ КЭМПБЕЛЛ

СКОТТ КЭМПБЕЛЛ. Доктор урбанистики, адъюнкт-профессор городского и регионального планирования Таубман Колледжа архитектуры и городского планирования Мичиганского университета.
Адрес: 2000 Bonisteel Boulevard, Ann Arbor MI 48109-2069, USA.
E-mail: sdcamp@umich.edu.

Ключевые слова: столицы, глобальные города, национальные государства, Берлин.

В статье излагаются результаты сравнительного исследования столиц и их меняющейся роли в современную эпоху. Теория глобализации предполагает, что ослабление монопольной власти национальных государств и рост транснациональной сети городов глобального значения угрожают традиционно центральному положению столиц. Изменение статуса национальных государств и реструктуризация мировой экономики оказывают колоссальное влияние на существующую сегодня в мире урбанистическую иерархию и ослабляют доминантность столичных городов. В коммерческом и административном смысле последние становятся перевалочными пунктами на пути из внутреннего экономического пространства в международное. Все это опровергает тезис теории глобализации об утрате былого значения государственных границ, национальных правительств и столиц. Особое место в работе уделено Берлину и опыту Германии.

THE CHANGING ROLE AND IDENTITY OF CAPITAL CITIES IN THE GLOBAL ERA

SCOTT CAMPBELL. PhD in urban planning Associate Professor of Urban and Regional Planning at the Taubman College of Architecture and Urban Planning of the University of Michigan.
Address: 2000 Bonisteel Boulevard, Ann Arbor MI 48109-2069, USA.
E-mail: sdcamp@umich.edu.

Keywords: capitals, global cities, nation state, Berlin.

This paper reports on the early results of a longer comparative project on capital cities. Specifically, it examines the changing role of national capital cities in this apparent global era. Globalization theory suggests that threats to the monopoly power of nation-states and the rise of a transnational network of global economic cities are challenging the traditional centrality of national capital cities. Indeed, both the changing status of nation-states and the restructuring world economy will reshuffle the current hierarchy of world cities, shift the balance of public and private power in capitals, and alter the current dominance of capitals as the commercial and governmental gateway between domestic and international spheres. However, claims in globalization theory that a new transnational system of global cities will make national boundaries, national governments and national capitals superfluous, albeit theoretically provocative, are arguably both ahistorical and impropvident.

 ЭТОЙ работе пойдет речь о первых результатах долгосрочного проекта по сравнительному исследованию¹ столиц, прежде всего о меняющейся роли столиц в современную эпоху глобализации. Теория глобализации полагает, что расшатывание монопольной власти национальных государств и рост транснациональной сети городов, имеющих глобальное значение для мировой экономики, угрожают традиционно центральному положению столиц. Безусловно, обновление статуса национальных государств и реструктуризация мировой экономики по-новому выстроят существующую сегодня в мире иерархию городов, скорректируют баланс государственной и частной власти в столицах и изменят нынешнее доминирующее положение столичных городов, в коммерческом и административном смысле являющих собой перевалочный пункт на пути из внутреннего пространства в международное. Тем не менее выдвигаемые в рамках теории глобализации предположения о том, что новая транснациональная система глобальных городов сделает ненужными государственные границы, национальные правительства и столицы, весьма привлекательны с теоретической точки зрения, однако оказываются одновременно и внеисторическими, и недальновидными. В некоторых современных странах — прежде всего в федеративных — политическая и экономическая деятельность разделена в пространстве (Вашингтон — Нью-Йорк, Оттава — Торонто, Канберра — Сидней, Бразилиа — Сан-Паулу). Наиболее распространенной си-

Доклад, представленный на ежегодном заседании Ассоциации американских географов, Питтсбург, штат Пенсильвания, 4–8 апреля 2000 года. Перевод с английского *Марины Бендет*.

1. См. URL: <http://www-personal.umich.edu/%7Esdcamp/cc1.html>.

туацией остается совмещение в одном городе правительственных и коммерческих функций (Лондон, Париж, Токио, Сеул, Каир). Возникновение глобальных городов сложным образом связано с ростом национальных государств, а значит, и со столицами, которые ими управляют. Повышенное внимание к политической экономии столиц означает, что в рамках процесса урбанизации существует явная взаимозависимость между деятельностью национальных правительств и мировой экономикой. Выделение местного и глобального аспектов столичного города является верным по существу, однако оно лишь частично описывает внутренние противоречия, существующие в столице. Здесь также противостоят друг другу местные и государственные, государственные и международные интересы.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЛИЦ

Столичные города — легко определяемый, но недостаточно хорошо понятый тип городов. В городских исследованиях столицы часто рассматриваются отдельно, в качестве исключительно административных центров. Однако столица — это также и символическая сцена национальной идеологии, отражение общего отношения государства к урбанизации, катализатор экономического развития страны и — хотя бы в историческом плане — посредник между местной культурой и «воображаемым сообществом» национального государства. Не существует теоретически точной академической литературы, которая бы давала четкое объяснение роли столичных городов в современном мире. Различные стороны столичной жизни были распределены между различными дисциплинами и освоены ими. Как следствие, имеющаяся литература о столицах представляет собой разношерстный набор текстов, созданных архитекторами, историками, политологами, специалистами по городскому планированию и социологами; все эти работы рассматривают разные аспекты столичных городов, однако не дают единой, четко разработанной теории развития столиц. Сегодня существует множество работ, посвященных описанию, истории и архитектуре конкретных столиц, однако библиографический поиск теоретических текстов, посвященных именно столичным городам, дает удивительно краткий список литературы². Как отмечает Ра-

2. См.: Capital cities and their hinterlands in early modern Europe / P. Clark, B. Lepetit (eds.). Aldershot, England: Scolar Press, 1996; Cornish V. The Great Capitals: An Historical Geography. Westport, CT: Greenwood Press, 1971; World Capitals: Toward Guided Urbanization / H. W. Eldredge (ed.). Garden

попорт, «о столицах как типе написано мало, в отличие от конкретных столиц...»³

Фундаментальная проблема отсутствия теории столиц стала мне особенно очевидна в ходе моего предыдущего исследования, посвященного городскому экономическому развитию Берлина: тогда у меня возникла необходимость поместить немецкий *Hauptstadt*⁴ в более широкий теоретический контекст⁵. Опыт Берлина столь исключителен, что обобщения и приравнивание его к прочим столичным городам представляются неразумными. Тем не менее именно исключительные случаи ускоряют переосмысление теории⁶. Аномальная история Берлина дала нам необычную возможность наблюдать потерю и недавнее повторное обретение статуса места, где размещается национальное правительство. Быстрое — на протяжении XX века — превращение города в столицу империи, затем республики, затем фашистского государства и, наконец, в месторасположение децентрализованной демократической администрации стало наглядной иллюстрацией стоящей перед столичными городами проблемы: проблемы приспособления к более значительным историческим переломам (или сопротивления им). За спором о статусе столицы, имевшим место в 1991 году между Берлином и Бонном, — равно как и за последующими разногласиями по поводу восстановления исторических построек и архитектурных проектов новых правительственных зданий, — скрывался более глубокий спор о национальной идентичности⁷. Политическая борьба в городе

City, NY: Anchor Press/Doubleday, 1975; Gottmann J. The Role of Capital Cities // *Eksisticks*. November 1977. № 264. P. 240–243; *Idem*. Capital Cities // *Eksisticks*. 1983. № 50 (299). P. 88–93; *Idem*. The Study of Former Capitals // *Eksisticks*. Sept./Oct. — Nov./Dec. 1985. № 314/315. P. 541–546; Capital Cities / Les Capitales: Perspectives Internationales / International Perspectives / J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew (eds.). Ottawa: Carleton University Press, 1993; Vale L. J. Architecture, Power, and National Identity. New Haven: Yale University Press, 1992.

3. Rapoport A. On the Nature of Capitals and their Physical Expression // Capital Cities / Les Capitales. P. 31.

4. Главный город (нем.). — Здесь и далее прим. пер.

5. См.: Campbell S. Cold War Metropolis: the Fall and Rebirth of Berlin as a World City. Minneapolis: University of Minnesota Press, (forthcoming). URL: <http://www-personal.umich.edu/%7Eesdcamp/capitals/Ch2.html>.

6. См.: *Idem*. Case Studies in Planning: Comparative Advantages and the Problem of Generalization. Paper read at the Association of Collegiate Schools of Planning Conference, November 5–8, 1998, Pasadena, CA; George A. Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison // *Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy* / P. G. Lauren (ed.). N.Y.: Free Press, 1979; Yin R. K. Case Study Research: design and methods. 2nd ed. Beverly Hills: Sage Publications, 1994.

7. См.: Campbell S. Capital Reconstruction and Capital Accumulation in Berlin:

выявила сочетание сотрудничества и конфликтов в отношениях между жителями столицы и серыми кардиналами от политики всего государства. Наконец, сегодняшняя экономическая политика по восстановлению Берлина в его довоенном статусе города, играющего ключевую роль в мировой экономике, идет вразрез с новой состязательной реальностью глобальных экономических сетей.

По материалам упомянутого берлинского исследования я составил десять широких вопросов, которые в будущем могут стать основой для более обобщенной программы по исследованию столичных городов (в этой работе будет рассмотрена лишь часть этих вопросов):

1. Что такое столичные города и чем они, как класс, отличаются от нестоличных городов?
2. Чем отдельные столицы отличаются друг от друга (к примеру, размер города, год основания, функции, структура национального правительства)?
3. Каким образом роль столичных городов изменилась со временем, в ответ на исторические обусловленные изменения национального государства?
4. Существует ли особая, местная экономика столичных городов?
5. Каковы причины и следствия того, что в столичных городах существует местная политическая структура (на примере отдельного столичного региона или включенности столицы в политическую географию страны)?
6. Какие конфликты возникают в столичном городе между районными, городскими, государственными и мировыми интересами?
7. Каким образом национальное государство выражает через столицу свою идентичность (в частности, в архитектуре)?
8. Каково влияние расположения столичных городов и политических усилий по их переносу (как в Бразилии, Австралии, Германии, Малайзии и Японии)?
9. Какие отношения связывают столицы и глобальные города?
10. Какие более широкие выводы (обобщения) можно сделать по результатам исследования столичных городов?

УНИКАЛЬНОСТЬ СТОЛИЦ: ЧЕМ СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ НЕСТОЛИЧНЫХ?

В соответствии с определением, столица — это город, где располагается правительство, где принимаются решения, касающиеся жизни и перспектив управляемой страны и способные влиять на развитие событий за ее пределами. Столицы отличаются от остальных городов: статус столицы гарантирует городу прочное и длительное центральное положение; от города же требуется особая *благоприятная среда*, обеспечивающая все необходимое для безопасного и эффективного принятия решений и осуществления правительством своих функций⁸.

Простое определение гласит, что столица государства — это место внутри страны, где располагается национальное правительство. В случае с каждым конкретным столичным городом это определение может получать различное выражение, однако в целом уникальность столиц по сравнению с прочими городами состоит в том, что именно в них концентрируется и осуществляется политическая власть, в них представлены ее интересы. То, какая из указанных трех ролей станет преобладающей для конкретной столицы, зависит от наблюдателя. Для политолога столица — месторасположение властей и органов управления. Для экономиста — место непропорционально высокой доли занятости в государственном секторе. (Для макроэкономиста зачастую это место, где строится торговая, промышленная и кредитно-денежная политика.) Для архитектора — удобное пространство, в котором размещены представительские здания, памятники и парки¹.

Если бы последствия того, что город является столицей, ограничивались размещением непропорционально большого количества правительственных чиновников, то можно было бы рассматривать столицу как обычный город, где находится множество административных зданий, принадлежащих государственному сектору. Таким образом, столица отличалась бы от промышленного города, не более чем последний отличается от торгового города и т. д. Однако специфика функций столичных городов не только формирует особый рынок труда, но и порождает совершенно иные городские структуры и модели землепользования, иную местную экономическую базу, архитектуру, туризм, культуру и политическую идентичность.

8. Since Megalopolis: The Urban Writings of Jean Gottmann / J. Gottmann, R. A. Harper (eds.). Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1990. P. 63.

Некоторые исследователи выявляют такие комплексные отличия на примере совершенно разного материального и культурного опыта Нью-Йорка и Вашингтона. Эти отличия выходят далеко за пределы очевидного функционального противоречия между Уолл-стрит и Капитолийским холмом и обуславливают появление различной городской политики, высокой и массовой культуры, жилых кварталов (сравните Гринвич-виллидж и Джорджтаун). Таким образом, столицы имеют и явные, и скрытые отличия от остальных городов.

Некоторые исследователи утверждают, что столицы обычно крупнее других городов, они получают большее финансирование, они более величественны, чем все прочие города страны. Правительства относятся к столицам по-другому, желают, чтобы они выглядели и жили иначе, чем остальные города страны. Во времена Германской империи коридоры жилых домов в столице должны были иметь в ширину не менее 1,1 метра, а во всей остальной стране — не менее одного метра. По мнению некоторых ученых, подобное различие стало причиной перестройки Рима в качестве новой столицы объединенной Италии в период быстрой индустриализации и урбанизации 1870-х годов: тогда тяжелая промышленность была выведена за пределы города⁹. Новая столица, несомненно, не должна была стать рядовым итальянским промышленным городом. По этой же причине немецкие градостроители традиционно отделяют сонный, элегантный город, в котором располагается королевская резиденция (*die Residenzstadt*¹⁰), от более динамичного в культурном отношении, кипящего классовой борьбой промышленного города (*die Industriestadt*¹¹). Если бы различия между различными и промышленными/торговыми городами были лишь административными, исследование столиц стало бы куда менее интересным.

Уникальность роли столицы не безусловна. Точно так же, как Нью-Йорк называют «глобальным городом», хотя не все его функции имеют мировой масштаб, деятельность «столичных городов» явно не ограничивается правительственными задачами. В столицах имеется развитой государственный сектор, однако они все еще вынуждены бороться за свое место в экономике страны. Потому «есть все причины для того, чтобы сначала изучить функционирование столиц как городов — пусть даже мы и рассматриваем их как города *sui generis*¹², — ведь их буду-

9. Antoniou J. Cities then & now. N.Y.: MacMillan, 1994. P. 24.

10. Город-резиденция королевского двора (нем.).

11. Промышленный, индустриальный город (нем.).

12. Своеобразный, уникальный (лат.).

щее зависит в том числе и от регулярности их деятельности...»¹³ Столичные города одновременно обычны и уникальны, они «вынуждены обеспечивать благоприятную физическую среду, в которой реальные люди живут обычной жизнью, но в то же время быть символическими, богатыми городами, обладать всеми теми качествами, которые государство желает продемонстрировать миру»¹⁴.

Существует несколько факторов, определяющих относительное преобладание политической роли столичного города над его управленческой ролью: это штат правительственных служащих в сравнении с занятостью в частном секторе; количество городских территорий, отведенных под правительственные здания; тип правительства, уровень его централизации, экономико-регуляторные связи между государственным и частным секторами; срок, на протяжении которого в городе располагается правительствоⁱⁱ. Различия в этих факторах дают различные соотношения государственной и частной составляющих для столичных городов (это будет обсуждаться позднее). К примеру, доля правительственных чиновников в общей занятости и доходах населения преобладает в более молодых, федеральных столицах, таких как Вашингтон или Бонн, в гораздо большей мере, нежели в случае Парижа или Лондона. Однако на мировой арене Париж и Лондон рассматриваются в качестве столиц в той же мере, что Вашингтон и Боннⁱⁱⁱ.

Таким образом, важность столицы обеспечивается не только присутствием многочисленных правительственных чиновников. В государствах, особенно в федеральных, часто имеются крупные центры, в которых заняты правительственные чиновники, и центры эти находятся за пределами столичных городов. В Соединенных Штатах федеральные суды, военные управления и базы, монетные дворы и многочисленные представительства компаний расположены в различных городах по всей стране. То же самое — все в большей мере — относится и к Германии. Подобная модель децентрализации порождает зависимость небольших городков от государственного найма и правительственных договоров — прежде всего в оборонном секторе¹⁵. Если местная доля государственного, зависящего от правительства найма достаточно высока, такие центры — к примеру, Лос-Анджелес и Колорадо-Спрингс — можно называть правительственными городами. И все же правительственный город

13. *Drewe P. Capital Cities in Europe: Directions for the Future // Capital Cities / Les Capitales. P. 344.*

14. *Milroy B. M. Commentary: What is a Capital? // Capital Cities / Les Capitales. P. 86.*

15. См.: *Markusen A., Hall P., Campbell S., Deitrick S. The Rise of the Gunbelt: the Military Remapping of Industrial America. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1991.*

по отношению к столице — то же, что филиал корпорации по отношению к ее штаб-квартире: это результат пространственного разделения труда, когда основные решения принимаются в едином центре, а осуществление таких решений/производство идет на местах¹⁶. Несмотря на глобализацию и децентрализацию экономической деятельности, столица остается центром, где вершатся государственные, правительственные дела.

В целом столица — особый тип «информационного города», причем не только в его воплощении конца XX века как высокотехнологического финансового и информационного центра¹⁶, но также и в его более ранней версии как центра обработки правительственной и военной информации, принятия политических решений, политического маклерства, учета численности населения и сбора налогов. «Столичный город — это перекресток транснациональных путей, разрешающий проблемы и удовлетворяющий нужды обширных областей, жители которых с большей или меньшей регулярностью время от времени прибывают в столицу для ведения различных дел или сбора сведений»¹⁷. В современном бюрократическом государстве столица стала огромным центром обработки данных — с высококвалифицированными руководящими работниками и плохо оплачиваемыми правительственными конторскими клерками; подобные центры обработки страховых, финансовых и правовых данных имеются в частном секторе современных «информационных городов». В силу того что границы между государственным и частным секторами все более размываются, такой государственный информационный город обрабатывает уже не только традиционные документы, касающиеся дипломатических договоренностей, военных стратегий и налогового учета; подконтрольные ему данные удивительным образом напоминают сведения, которые используются в частном секторе, в страховом, финансовом и правовом предпринимательстве (при работе с пособиями по болезни, безработице и с пенсионными выплатами, с займами, процентными ставками и графиками погашения кредитов).

ТЕМА И ВАРИАЦИИ: РАЗНООБРАЗИЕ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ

Существует огромное разнообразие типов столичных городов. На одном конце спектра находятся классические столичные города — Лондон и Париж: многовековые центры, где заседает мо-

16. См.: *Castells M. The Informational City*. L.: Basil Blackwell, 1990.

17. *Since Megalopolis*. P. 81.

гущественное правительство, бывшие столицы колониальных империй, обладающие масштабной и выразительной представительской архитектурой и доминирующие в иерархии городов своего государства. На другом конце располагается более пестрый набор столиц — от наиболее влиятельных городов более слабых государств (назовем здесь Монтевидео или Джакарту) до скромных административных центров могущественных стран (к примеру, Оттава или Канберра). Кроме того, есть и гибридные столицы, обладающие противоречивыми свойствами: это такие столичные города, как Берлин и Вашингтон; их своеобразие связано с особенностями истории и развития их стран.

Широкое исследование столичных городов дает нам несколько определяющих параметров; я выделил бы не менее пятнадцати таковых. Важной характеристикой может стать размер: *демографические размеры столицы* (скромный Берн против гигантского Мехико); *демографические размеры страны* (Пекин против Дублина); *географические размеры страны* (Оттава против Сингапура).

Затем идут политические характеристики: *тип правительства* (к примеру, демократический Стокгольм против имперского Эр-Рияда или коммунистического Пхеньяна); *размер правительства* (к примеру, Париж в крайне централизованной Франции против Берна в децентрализованной Швейцарии).

Определенную роль играет история, то есть *эпоха, в которую город стал столицей* (к примеру, исторический, имперский столичный Лондон против современного Бразилиа); как следствие, *изначальные столицы* (Лондон, Париж) оказываются противопоставленными *перенесенным столицам* (Бонн, Канберра, Бразилиа, Нью-Дели, Анкара) или *бывшим столицам* (Константинополь, Петербург, Калькутта, Филадельфия, Рио-де-Жанейро, а теперь и Бонн).

Столицы могут отличаться по экономическим параметрам: *благосостояние государства* (к примеру, богатые Лондон, Токио и Вашингтон против Могадишо, Мапуту и Дакки); *столица как экономически доминирующий город страны* (к примеру, Монтевидео, Париж, Лондон, Копенгаген, Мехико и Бангкок) или *столица как второй город в стране* (Оттава, Бонн, Канберра, Анкара, Берн, Претория, Бразилиа); *наличие у столичного города экономического фундамента* (мировые финансы и информация в Лондоне и Токио) или *обеспечиваемая правительством занятость* (в Оттаве и Канберре).

География также является важной характеристикой: *функционально разделенные столицы* (Амстердам и Гаага в Голландии, Претория и Кейптаун в Южной Африке, Ла-Пас и Сукре в Боливии) или *единственные столицы*; столицы, располагающие-

ся в географическом центре государства (как Рим, Мадрид) или на географической периферии (Берлин, Москва, Пекин, Вашингтон); что более важно, столицы, расположенные вблизи центров сосредоточения населения и центральных транспортных коридоров (Лондон, Вашингтон и Токио), или столицы, расположенные иначе (Бразилиа, Канберра).

Наконец, есть и культурная составляющая: столицы многоязычных стран (к примеру, Оттава, Берн, Нью-Дели и Москва для бывшего СССР) или столицы одноязычных стран (к примеру, Париж); соответственно, столицы как исторические религиозные центры (к примеру, Рим, Иерусалим) или светские города (к примеру, Вашингтон, Оттава, Бонн). Этот список далеко не полон.

При таком обилии переменных возникает опасность того, что количество факторов будет равно количеству рассматриваемых случаев: подобное сложное положение затрудняет весьма полезный статистический анализ, так как каждый случай оказывается уникальным^у. Сатклифф предупреждает, что «такое исследование <...> окажется в целом бесплодным, ведь столицы отличаются друг от друга так же, как и все прочие города»¹⁸. Термин «столичный город» сам может навести на мысль о существовании точно определенных и стандартизованных функций, хотя никто не ждет того же от терминов «правительство» или «государство». Попытка классифицировать все столицы представляется столь же сложной, как и попытка классифицировать государства, которыми они управляют.

Вне зависимости от указанных различий существует три ключевых фактора, определяющих развитие столиц: размер и структура правительства страны; местная и государственная экономика; временная согласованность становления столицы с политическим образованием и экономическим развитием национального государства. В частности, города, являвшиеся столицами в начале городской индустриализации и формирования национального государства, одновременно и создавали волну национального экономического развития, и двигались вперед за ее счет. Напротив, города, ставшие столицами на более поздних этапах политического и экономического развития страны («поздние столицы») — из-за позднего образования национального государства или в связи с переносом столицы, — столкнулись с необходимостью упрочения своей политической и экономической роли в рамках уже существующей, сложившейся экономической системы городов страны.

18. *Sutcliffe A. Capital Cities: Does Form Follow Function? // Capital Cities / Les Capitales. P. 195.*

Временная согласованность здесь относительна: на каком этапе экономического развития государства¹⁹ возник столичный город? Более старая, имперская столица централизованного государства (к примеру, Париж или Лондон) скорее станет доминировать в экономике, нежели перемещенная столица федеративного государства (например, Оттава, Канберра, Бонн). Столицы поздно сложившихся национальных государств (таких как Германия и Италия) обычно меньше доминируют в иерархии городов, существующей в их странах, нежели столицы более старых национальных государств (таких как Франция или Англия). Тем не менее изначальная временная согласованность во все не гарантирует того, что столица станет доминировать в экономике. Случай Вашингтона, округ Колумбия, ставшего столицей США в самые первые дни индустриализации в 1800-х годах, но так никогда и не превратившегося в значительный промышленный или торговый центр, демонстрирует нам, что политическая и экономическая структура государства должна поощрять доминирующий столичный город. И напротив, «поздние столицы» тоже могут стать мощными экономическими центрами. Столицы недавних европейских колоний, сохраняющие свою возникшую еще до обретения независимости роль перевалочных пунктов на пути от удаленных районов страны к имперским рынкам, обычно оказываются в своих странах ведущими, доминирующими в экономическом отношении городами. Такова и общая черта южноамериканских столиц, к примеру Каракаса²⁰.

Отнести Берлин к какому-либо типу неожиданно сложно: прерывистость истории города не позволяет легко определить «хронометраж» города в качестве столицы. Раннюю королевскую столицу Бранденбурга и Пруссии можно рассматривать и как «позднюю столицу» (в сравнении с Лондоном или Парижем), ведь Берлин стал столицей объединенного национального государства лишь в 1871 году²¹ и потому столкнулся с необходимостью утверждать свое политическое и экономическое доминирование в Германии, задолго до того вставшей на путь создания децентрализованной системы промышленных и торговых городов. Тем не менее к началу XX века Берлин, вопреки своему позднему старту и изолированному географическому расположению на северо-востоке страны, превратился в крупнейший город и экономический центр государства и утратил свою роль столичного го-

19. См.: Rostow W. The Stages of Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1963.

20. См.: Violich F. Caracus: Focus of the New Venezuela // World Capitals.

21. См.: Plessner H. Die verspätete Nation: Über die Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Fr.a.M.: Neuauflage, 1974.

рода в 1945 году. Благодаря тому что в 1999 году городу был возвращен столичный статус, Берлин сегодня являет собой самую молодую из «поздних столиц». Можно было бы даже создать для Берлина отдельную, новую категорию: «возрожденная» столица.

ЭКОНОМИКА СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ

...экономический центр необязательно должен быть еще и политическим центром. Если исходить из соображений экономики, для Лиона вероятность в будущем превратиться в мегаполис была большей, чем для Парижа. Столичные города в экономическом отношении часто являлись паразитами — и в первую очередь Париж. Все попытки привлечь в столицу производство имели весьма незначительный успех. Экономика здесь служила прежде всего нуждам потребления и обеспечивала содержание двора и придворных. Один лишь Лондон, торговый центр растущей империи, ни для кого не был обременением...²²

Столичные города существуют в двойственном измерении: это уникальное творение правительства страны, гарантированное экономическим фундаментом за счет государственного сектора и, по-видимому, находящееся за рамками обычной экономической системы городов государства. И в то же время столицы представляют собой местные экономические системы, которые, подобно всем прочим городам, зависят от превратностей экономической реструктуризации, международной конкуренции и налоговых ограничений. В целом история экономического развития столичных городов, скорее всего, противоречива. Некоторые столицы разработали на базе такой двойственности мощную, динамичную частную и государственную экономику, в то время как остальные страдают от бремени, связанного с размещением правительства страны. В этом разделе мы рассмотрим три аспекта: экономические преимущества статуса столицы; экономические недостатки такого статуса; влияние местной экономики на работу правительства страны.

*Какую пользу местной экономике
приносит статус столицы государства?*

Наиболее очевидное экономическое присутствие в современной столице — это высокая концентрация чиновников государственного правительства, а также связанная с этим непрямая заня-

22. Von Beyme K. Hauptstadtsuche: Hauptstadtfunktionen im Interessenkonflikt zwischen Bonn und Berlin. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1991. S. 15.

тость. Во многих случаях правительство страны также напрямую участвует в местном городском бюджете. Дополнительная экономическая активность связана со строительством правительственных зданий, памятников, музеев, посольств, театров и прочих сооружений. Такие сооружения, в свою очередь, привлекают людей извне, прибывающих по делам или в качестве туристов. Частные фирмы стремятся оказаться ближе к правительственным органам и получить к ним доступ; так возникают новые рабочие места, новое строительство и новые налоговые поступления. Некоторые фирмы обосновываются в столице, чтобы оказывать правительственным органам правовые, финансовые, коммуникационные и административные услуги. В столице концентрируются лоббисты от корпораций, профсоюзов, некоммерческих организаций и прочих заинтересованных групп. Система коммуникаций и транспортная инфраструктура, созданные для обеспечения деятельности правительства, также привлекают пользователей из частного сектора. Совокупным результатом всего перечисленного становится то, что наиболее успешные столицы действуют как мощные полюса роста. Подобная урбанизирующая мощь столичных городов известна уже давно: треть от всего роста городского населения в Европе в XVI и XVII веках приходится на девять столичных городов²³.

Благодаря своей политической структуре столицы, в отличие от прочих городов, не нуждались в фундаментальной опоре на «естественные» преимущества собственного местоположения (доступ к сырью, естественные гавани и т.д.) для достижения относительных преимуществ в городском развитии. Афины — пример столицы, причинами роста и процветания которой стали не только географическое положение города или его промышленность, но в первую очередь политическая воля: «город, заново отстроенный в 1835 году королем-иностранцем, стремившимся упрочить свой престиж и авторитет на исторически значимом месте, Афины — это успешный вариант Бразилиа»²⁴. История Берлина также демонстрирует нам, как осуществляемое по политическому заказу, финансируемое извне развитие может приумножить изначально скромные достоинства столичного города, обеспечиваемые его местоположением.

Наиболее влиятельные столицы (такие как Лондон, Париж или предвоенный Берлин) представляли собой места синергичного смешения государственного и частного секторов: правительство привлекало экономическую активность, а та, в свою очередь, укрепляла государственный сектор экономики и т.д.

23. Capital cities and their hinterlands in early modern Europe. P. 1.

24. Since Megalopolis. P. 78.

Порой политические и экономические силы сплетаются столь эффективно, что границы между ними размываются.

Столичные города стремятся — прежде всего в том, что касается их внешнего вида, — к сочетанию власти, сопровождающей административные функции, с властью, связанной с буржуазией и капиталом. Подобная двойственность весьма усложняет разделение местных и государственных сил, влияющих на городскую структуру²⁵.

Получающаяся в результате двухмерная синергия — между государственным и частным секторами и между местными и государственными силами — обычно оказывается наиболее успешной в странах, где столица и государство развивались совместно. В таких давних столицах местоположение правительства обычно становилось центром развития промышленности, торговли и финансового капитала. Даже если Манчестер изначально и был центром английской промышленности, Лондон, безусловно, объединил свою имперскую и промышленную мощь, чтобы занять доминирующую позицию в сфере экономики²⁶. «Первоначальные» столицы, постоянные центры первоначальных национальных государств, обычно становились катализатором индустриализации в государстве и одновременно использовали вновь обретенное процветание для укрепления своей доминирующей позиции среди прочих городов государства. Тейлор утверждает, что XIX век стал эпохой, когда столичные города могли использовать собственную политическую мощь для завоевания преимуществ перед лицом «чисто промышленных городов», когда была создана структура, в которой «важность города, имеющего мировое значение, измерялась мощностью государства, к которому он принадлежал»²⁷.

Столичные города могут отойти от такой модели Парижа/Лондона несколькими способами: через позднюю консолидацию национального государства (как в Германии и Италии) и/или через поздний перенос столицы. Например, Берлин, Рим и прочие «поздние столицы» национальных государств, возникшие в конце XIX века, когда процесс урбанизации и индустриализации шел полным ходом, вынуждены были в экономическом плане соревноваться с другими могущественными центрами про-

25. Sutcliffe A. Op. cit. P. 196.

26. См.: Fishman R. *Bourgeois Utopias: the rise and fall of suburbia*. N.Y.: Basic Books, 1987.

27. Taylor P. J. *World cities and territorial states* // *World Cities in a World-System* / P. L. Knox, P. J. Taylor (ed.). Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 1995. P. 55.

мышленности, финансов и торговли (с Дюссельдорфом, Франкфуртом, Гамбургом или, соответственно, с Миланом, Туринем, Венецией, Флоренцией). Однако существуют столицы, возникшие много позже Берлина и Рима. Как правило, это «современные перенесенные» столицы. Столицы XIX века — Бонн, Канберра и Бразилиа — получили от своей столичной роли минимальную историческую и экономическую выгоду. В результате мы имеем три типа столичных городов — «первоначальные», «поздние» и «позднейшие» (переносы XX века); они определяются в соответствии со временем их образования по отношению к моменту образования национального государства и к моменту его индустриализации.

Вашингтон вновь представляет собой любопытное исключение. Несмотря на то что молодое американское правительство переехало туда в 1800 году, в первые дни американской индустриализации, в экономическом плане город никогда не соперничал с восточными торговыми и промышленными центрами — Нью-Йорком, Филадельфией и Бостоном — или же с более молодыми и расположенными далее к Западу промышленными городами. Это демонстрирует, что одной временной согласованности недостаточно для того, чтобы столица стала одновременно промышленным и торговым центром страны. Необходимо также, чтобы государственная политическая экономия обеспечивала тесные связи (как институциональные, так и пространственные) между правительством страны и лидерами частного сектора, между политической волей к преодолению географической изоляции столичного города за счет масштабных инфраструктурных проектов и пригородской политической культурой государства, которая поддерживала бы становление влиятельного, обладающего большой значимостью столичного города в качестве символического и материального центра страны^{vi}.

Недостатки столичного статуса

...будущее столичных городов <...> зависит от систематичности их функционирования в качестве городов не меньше, чем от их пребывания в статусе столиц²⁸.

Как следствие, размещение государственного правительства не является гарантией возникновения успешной и динамичной местной экономики. Несмотря на определенную защиту, столичный город страдает от превратностей и опасностей, неизбежно сопровождающих рыночные отношения. Для государственного

28. Drewe P. Op. cit. P. 368.

правительства приоритетным направлением деятельности в столице является создание эффективной администрации, а не строительство фундамента процветающей местной экономики. В этой связи количество обеспеченных правительством рабочих мест в столице обусловлено прежде всего правительственными нуждами и налоговыми ограничениями, но не размерами местных трудовых ресурсов. Подобная зависимость города от заработных плат и субсидий, предоставляемых правительством страны, приводит к возникновению отношений неравенства и зависимости между столицей и государством. В случае недостаточного разнообразия местной экономики столичный город будет напоминать рабочий поселок, в котором единственное производство доминирует на рынке труда, капитала и имущества и, соответственно, замедляет развитие здорового многообразия в том, что касается ведения предпринимательской деятельности, квалификации рабочих и доступности капитала в других секторах производства²⁹. У государственного правительства нет прямых стимулов, чтобы поощрять экономическое разнообразие в городе, в котором оно располагается. В крайних случаях потеря столичного статуса в связи с переносом столицы (возьмем, к примеру, Рио-де-Жанейро, бывший Западный Берлин, Петербург или более поздний Бонн) демонстрирует недостатки подобной зависимости от правительственного сектора — точно так же, как закрытие или перевод завода демонстрирует уязвимость экономического фундамента рабочего поселка^{vii}.

Для более крупных столичных городов, таких как Берлин, опасность возникновения монопольной зависимости, подобной ситуации с рабочим поселком, не существует — в отличие от небольших столиц Бонна или Бразилиа. Однако это, в свою очередь, означает, что сам по себе правительственный сектор не может быть движущей силой роста. Существующие на сегодняшний день прогнозы экономического будущего Берлина отражают неспособность города безоговорочно решить глубокие структурные проблемы местной экономики: предполагается, что, несмотря на поступление капитала в 1999 году, в период с 1995 по 2010 год общая занятость в городе *сократится* на более чем на 30 тыс. рабочих мест; при этом учитывается не только потеря 60 тыс. рабочих мест в производственном секторе, но и исчезновение более 30 тыс. правительственных рабочих мест, вызванное сокращением штатов и децентрализацией³⁰.

29. См.: Chinitz B. Contrasts in Agglomeration: New York and Pittsburgh // Journal of the American Economic Association. May 1961. P. 279–289.

30. См.: Eickelpasch A., Pfeiffer I. Perspektiven der wirtschaftlichen Entwicklung in Berlin // DIW Wochenbericht. 1996. Vol. 63. Iss. 37. P. 607–613.

Отличие от ситуации, существовавшей в XIX веке, весьма красноречиво: после того как Берлин в 1871 году стал столицей объединенной Германии, численность городского населения резко выросла — с 826 тыс. в 1871 году до более чем 2 млн к 1910 году. Сегодня больше не существует мощной синергии урбанизации, индустриализации и строительства национального государства, более века тому назад спровоцировавшей феноменальный рост Берлина.

В некоторых случаях статус столицы рождает здоровую, пусть и скромную экономику, которая существует в тени более крупных и более экономически значимых городов страны (такова ситуация Оттавы, Берна, Бонна, Канберры). Однако порой столичный статус может нанести явный урон экономическому развитию города. Значительные капиталовложения в не приносящее прямого дохода гражданское строительство — сооружение крупных общественных пространств, памятников и дворцов — может опустошить местную казну³¹. Символический столичный город, которому часто недостает здоровой промышленной или коммерческой основы, не собирает достаточно налогов, чтобы покрыть значительные расходы на жизнь реального города.

Столичные города регулярно обладают инертной, неконкурентоспособной местной экономикой, зависящей от государственных субсидий. Причиной постоянного недовольства в Западном Берлине времен холодной войны стали предоставлявшиеся Бонном огромные субсидии: они породили «субсидийную ментальность», мешавшую развитию местной экономики, которая в ином случае могла бы с успехом самостоятельно участвовать в государственной и мировой экономике. Кроме того, такие субсидии подчас искажают структуру местной экономики: они поощряют устарелые ее составляющие и пренебрегают развивающимися отраслями.

Еще одним симптомом подобной инертности является отсутствие в Вашингтоне, округ Колумбия, и в прочих столицах жизнеспособных государственно-частных коалиций развития. В других городах подобные коалиции осуществляют стратегическую поддержку планов городского развития, жилищного строительства, создания рабочих мест, местной филантропии и обновления городов. Отсутствие мощных коалиций развития, скорее всего, связано с тем, что местный частный сектор подчиняется интересам государственного правительства. В результате возникает схема, противоположная обычному неравноправному партнерству, в котором частный сектор приоб-

31. World Capitals. P. 510–511.

ретаёт больше преимуществ, чем государственный³²: в столице общественные интересы государства оказываются важнее местных частных интересов. Итогом становится провал государственного сектора, аналогичный обычному провалу рынка. Такое мнение разделяет Джейн Джейкобс, которая считает, что столицы насаждают упадок и что «занятая управлением столица государства или империи, до последнего представляющаяся живым городом, в конце концов оказывается удивительно инертным, экономически отсталым и достойным жалости местом»³³.

То, что присутствие правительства страны одновременно и способствует, и мешает местному экономическому развитию столичного города, позволяет сделать два вывода. Во-первых, не существует единообразных экономических отношений между правительством государства и его столицей. Во-вторых, такие отношения могут колебаться от сотрудничества до конфликта, причем не только для разных столиц, но и для одной и той же столицы в различные периоды. Нельзя просто сделать вывод о том, что присутствие государственного правительства благотворно или неблагоприятно воздействует на экономику города, ибо правительство одновременно и создает, и искажает ее.

Точно так же отношения местных и государственных властей в столице могут порой быть сотрудничеством, а порой — конфликтными. Особый административный статус столичного города в пределах государства может стать и преимуществом, и препятствием для экономического развития. Если город привлекает выгоду, то причина этого — симбиотические, взаимовыгодные отношения государственного и частного секторов. Деятельность государства привлекает частное предпринимательство, и они подпитывают друг друга. Если экономика города страдает, то причина в том, что деятельность государственного правительства вытесняет деятельность частного сектора. Правительство забирает лучшую недвижимость, занимает имеющееся в деловом центре города пространство, пригодное для частной застройки, и отбирает участки, облагаемые местным налогом на недвижимое имущество. Правительство нанимает на государственную службу наиболее квалифицированных специалистов и вытесняет частный сектор с рынка труда.

32. См.: *Unequal Partnerships: the Political Economy of Urban Redevelopment in Postwar America* / G.D. Squires (ed.). New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1989.

33. *Paquet G. Capital Cities as Symbolic Resources // Capital Cities / Les Capitales*. P. 280.

Главный вопрос: что сильнее в столичном городе — синергия или вытеснение? Ответ во многом зависит от обсуждавшихся выше факторов: соотношения момента становления столицы и момента образования и индустриализации национального государства, политической структуры правительства страны, институциональных и пространственных связей между государственным и частным секторами, про- или антигородской государственной политической культуры и заинтересованности государства в политическом конструировании столицы в качестве безусловного центра страны.

*Какие свойства местной экономики
способствуют развитию эффективного
столичного города?*

Можно оценивать успешность столичного города на основании его экономических размеров и процветания. Однако если основной функцией столицы является размещение государственного правительства, то основным критерием успешности столицы становится то, насколько хорошо она выполняет свою роль, а вовсе не то, до каких размеров разрастается сам город. Таким образом, для страны в целом экономика столичного города важна, прежде всего, в той мере, в которой она способствует или мешает выполнению таких государственных административных функций (пусть даже от этого страдают жители столицы). Возможно, на ранних этапах создания национальных государств размер имперской столицы являлся отражением размеров всего государства, ведь местоположение королевской резиденции обычно становилось средоточием богатств, центром торговли, военной мощи и образования. Подобная связь «большая столица — большое государство» существует также и на ранних этапах индустриализации развивающихся стран. Высокая концентрация людей, богатств, промышленности и капитала в главном городе — столице — является досадным, но необходимым этапом пространственного развития промышленности, в результате которого образуется более равноправная, децентрализованная промышленная география государства, в котором всю страну пронизывают эффективные транспортные и коммуникационные сети.

Однако для наиболее развитых в промышленном отношении стран не существует изначально заданной связи между размером столицы и масштабами государственной экономики. Любопытным образом до сих пор предметом гордости является демонстрация процветания и экономической мощи государства через его столицу. Именно эта гордость стала одной из причин

сопротивления тому, чтобы скромный город Бонн оставался центром влияния на мировую экономику. Тем не менее успешное послевоенное экономическое развитие Франции связано с тем, что Париж остался столицей страны, не в большей мере, чем успех Западной Германии связан с намеренным размещением столицы в небольшом Бонне. Это не означает, что относительный размер столичного города произволен или что характер столичного города не влияет на функционирование правительства страны. Это также не отменяет вероятности того, что для выхода на мировые рынки государству все еще необходим крупный, могущественный город (необязательно столица): совершенно точно не является совпадением тот факт, что три основных глобальных города — Лондон, Нью-Йорк и Токио — располагаются в трех государствах, лидирующих в мировой экономике. Однако это означает, что и государства с доминирующими столичными городами (Франция, Великобритания, Япония), и государства, имеющие скромные столицы (Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия, Западная Германия), имели возможность преуспеть в экономической сфере в послевоенный период.

В конечном счете столичные города оказываются более сложными, неоднородными и, следует надеяться, более значимыми структурами, чем то предполагает их репутация в литературе по городским вопросам. Столицы — это политически сконструированные места, которые, однако, испытывают то же экономическое и налоговое давление, что и все прочие города. Столица — одновременно и городское самоуправление, представляющее местные интересы, и главный город страны, олицетворяющий государственную власть, и место, где размещаются посольства других стран. В столицах расположены и символическое «воображаемое сообщество»³⁴ национальных памятников, и бюрократический аппарат государственных правительственных учреждений. Кроме того, в столичных городах пересекаются политические и экономические интересы страны. Все города сталкиваются с взаимодействием — как с сотрудничеством, так и с конфликтом — правительственных и частных интересов, однако только в столицах эти интересы пересекаются столь мощно: в столичном городе взаимодействие правительства и рынка сложнее, а государственное правительство обладает большим влиянием на местную экономику, рынки труда и спрос на землю. Это создает особую политэкономия столичных городов.

34. См.: *Anderson B. Imagined Communities*. L.: Verso, 1983.

ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ И СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ

Столичные города в значительной степени — а возможно, даже и в целом — являются продуктом эпохи национальных государств <...> по нашему мнению, именно гибель великих империй и возникновение национальных государств привели к росту столиц. Не следует забывать о том, насколько недавним (в долгосрочной исторической перспективе) оказался этот процесс³⁵.

Столичные города — продукт недалекого прошлого. Даже Париж, образцовый столичный город, роль которого прослеживается практически без изменений до самых *Меровингов*, стал столицей, то есть местом концентрации всех значимых видов деятельности, лишь на современном этапе развития. Разграничение политической и административной систем на заре современности, когда старые *societas civilis*³⁶ исчезли, а этика, политика, экономика и искусство превратились в относительно автономные подсистемы общества, впервые в истории создало необходимость в постоянном столичном городе. Средневековая потребность в представительстве все еще была связана с людьми и политическим положением. Там, где находились правители, было представлено и само государство³⁷.

Если современное национальное государство — довольно молодая конструкция, то столь же молод и управляющий им столичный город. Столица — пространство, где такая современная государственная власть сконцентрирована в одном конкретном месте. Власть обеспечивает четкое пространственное разделение труда между *управляющими* (в городе) и *управляемыми* (на примыкающих территориях)^{viii}. В результате возникает иерархия городов, на вершине которой располагается столица. Институциональное разделение и концентрация политических сил — необходимые условия существования самой идеи современного столичного города. И это разделение продолжает развиваться: я полагаю, что, подобно тому как современная столица в корне отличается от досовременного города, столичные города XXI века, в том числе Берлин, вновь преобразятся и приспособятся к меняющимся государственным правительствам и экономическим системам, военной мощи и уязвимости.

Каковы результаты параллельного развития национальных государств и их столиц? Государства меняли свои размеры и гра-

35. King A. Cultural Hegemony and Capital Cities// Capital Cities/ Les Capitales. P. 251.

36. Гражданские общества (лат.).

37. Von Beyme K. Op. cit. P. 13–14.

ницы, свою структуру и управленческие задачи, свои транспортные сети и системы связи, свои методы надзора за собственными гражданами, свои связи с остальным миром — и столицы менялись соответственно. Для европейских столичных городов это означало постоянное изменение местной городской структуры, которая должна была отражать изменения государственной политической власти: от средневековой системы к абсолютизму, промышленной революции, демократии и современной системе конца XX века. Тем не менее во всем мире истории развития столичных городов столь же разнообразны, как и истории развития соответствующих государств. Некоторые столицы изначально являлись местами расположения королевских резиденций, в то время как другие возникли в результате современных управленческих решений. Некоторые были могущественными центрами колониальных империй, в то время как другие начинали с роли порта и/или административного центра колонии. В первых происходил значительный рост населения, в то время как последние быстро превращались в постколониальные мегаполисы (подобно Мехико). В свою очередь, у азиатских столиц — качественно иная история.

Происхождение современного столичного города

В предыдущий исторический период великое преобразование городов было связано с переходом от городов-государств к национальным государствам. В результате такого изменения источника муниципальной власти важные торговые города-государства, такие как Венеция, Генуя и Антверпен, утратили прежнее могущество; возникли современные столицы государств. Статус города-государства опирался на его военную мощь и экономическое процветание в сравнении с другими городами-государствами; это была замкнутая, укрепленная структура³⁸. Развивающееся национальное государство дало новое определение такому укрепленному пространству, и город стал лишь частью более сложного целого. Национальное государство выявило резкое отличие города от государства. Основой могущества столицы в новых условиях стали не только богатство и военная мощь, существующие внутри городских стен, но и принадлежащие столице земли, ресурсы, расположенные на территории государства, за городскими укреплениями. Если стратегической задачей города-государства была защита собственных границ, то столице нужно было управлять гораздо более значительными

38. См.: *Burke P. The city-state // States in History / J. Hall (ed.). Oxford: Basil Blackwell, 1986; Taylor P. J. Op. cit.*

территориями, лежащими далеко за пределами города. По этой причине развитие абсолютистского национального государства изменило военную роль столичного города: из укрепленного места расположения войск город стал местом, откуда широко демонстрировалась политическая мощь, символическим центром³⁹. В случае с Берлином произошел переход от краткого членства в Ганзейском союзе торговых городов к роли центра маркграфства Бранденбург, затем Пруссии и, наконец, Германской империи, причем каждое последующее государство оказывалось крупнее предыдущего. Переход от города-государства к национальному государству произвел изменения и в гражданском патриотизме: «государство управляет и руководит личной „гражданской“ идентичностью, в то время как город обладает минимальной политической властью, а его „граждане“ хранят верность прежде всего государству, не городу»⁴⁰.

Территориальная экспансия создала возрастающую политическую иерархию городов, на вершине которой оказалась столица. Эта экспансия также превратила конкретную геополитическую власть столичного города в абстрактное понятие: богатство и военная мощь города стали не только конкретным источником власти, но также символическим выражением более значительного могущества государства. Размер зданий, памятников и улиц не просто демонстрировал особый масштаб и богатство города, но служил для создания представления о масштабах и богатстве всего государства. И гражданин страны, и чужестранец могли составить представление о размерах и состоятельности растущего государства, осмотрев его столицу, ее музеи, библиотеки, жилые дома, парки и тюрьмы. Подобное представление не всегда оказывалось точным: лидеры государства часто сооружали фальшивый фасад, скрывавший за собой реальные дела государственного правительства (таков был образ, который Гитлер продемонстрировал миру во время летних Олимпийских игр 1936 года, прошедших в Берлине: тогда мир не увидел безобразную сторону нацизма). Лидеры могут выстроить в столице несообразно огромные здания, проспекты и памятники, стремясь преувеличить богатство государства и скрыть бедность провинций (так поступали в коммунистической Восточной Европе или в бедных африканских странах, к примеру в Заире). Столица-как-фасад — все равно что африканские гадюки или иглобрюхие рыбы, которые могут очень сильно раздуваться, чтобы отпугнуть от себя хищников.

39. Von Beyme K. Op. cit. P. 25.

40. Taylor P. J. Op. cit. P. 55.

Путь к современному столичному городу также привел к появлению все более сложного и специализированного городского и государственного аппарата. Если в период позднего Средневековья государственный аппарат был достаточно простым и включал в себя королевский дворец и королевский двор, к XVII веку столичные города стали центром абсолютной королевской власти⁴¹, а в современную эпоху все еще больше усложнилось^{ix}. В конце концов, в столичных городах появилось четыре института, призванных нарушить королевскую монополию на власть: государственный чиновничий аппарат, столичное городское управление, религиозные институты и зарождающаяся деловая элита.

Первой возникла бюрократия. Развитие полуавтономной бюрократии (позднее ее будет изучать Макс Вебер) преобразило столичный город, создав противовес абсолютной, централизованной власти, исходящей из королевской резиденции. Начавшееся отделение правительства от королевского двора означало, что различные элементы национального государства — руководство, управление, казна, военное командование, политическая легитимность, символичность — перестали быть синонимами и все больше отделяются друг от друга, распределяясь по различным зданиям столичного города. Здания, в которых располагались парламент, чиновничий аппарат, министерства и прочие государственные бюрократические учреждения, отныне стали такими же центрами и символами государственной власти, как и королевский дворец. Там, где прежде говорили о королевской резиденции, в современном столичном городе стали говорить о «правительственном квартале», который стал отличительной чертой пейзажа столицы в XX веке.

Вторым элементом усложнившейся структуры столичного города стало усилившееся разделение местных и государственных интересов. Городские и государственные институты конкурировали в борьбе за место в центре города и за контроль в политической и экономической сферах. В то время как национальное государство строило дополнительные здания для бюрократических учреждений, парламента и символического представительства, городское правительство также увеличивало свою роль и физическое присутствие в застройке столицы. В Берлине и других столичных городах королевский дворец и ратуша стояли друг напротив друга, что олицетворяло не всегда мирные отношения местной и государственной власти (об этом пойдет речь ниже).

41. *Sutcliffe A.* Op. cit. P. 198.

Третий, имеющий долгую историю элемент столичного города возник из соперничества религии и государства. Отношения этих институтов принимали различные формы: от сосуществования и сотрудничества до соперничества, враждебности и репрессий — и часто выражались в пространственном выделении двух центров власти. Уже в древних Афинах Акрополь и агора располагались рядом друг с другом, так как духовный центр отделился от политического, общественного и культурного центра⁴². В Риме церковь и государство распределены в пространстве за счет отдельного анклава — Ватикана, страны площадью всего в 109 акров, находящейся внутри столицы и являющейся центром основной религии государства. В средневековом Лондоне Генрих VIII изменил отношения церкви и государства, создав Англиканскую церковь и тем самым предоставив государству большую автономию. В Москве советская власть заняла оплот церкви, Кремль, и разместила в нем государственное правительство. Иерусалим, вероятно, являет собой наиболее сложный случай сосуществования религии и политики: спорный статус столицы Израиля во многом связан с тем, что город остается святым местом для трех основных мировых религий. В современном Берлине церковные институты играют совсем незначительную роль в структуре власти, однако в прошлом взаимоотношения государства и религии вызвали здесь к жизни такие крайние проявления толерантности и террора, как прием тысяч гугенотов, бежавших из Франции в 1685 году, и планирование геноцида европейских евреев в 1930–1940-е годы.

Четвертый элемент — растущее разделение власти в политической и экономической сферах. Благодаря тому что в столицах в связи с массовой урбанизацией, индустриализацией и торговлей развивалась более самостоятельная экономическая база, нарождающийся класс капиталистов и средний класс становились все более влиятельной опорой власти. Этому сопутствовало развитие личных прав и прав собственности⁴³. В результате государственное правительство утрачивало монопольное влияние на развитие города. Строились новые заводы, банки и штаб-квартиры фирм, составлявшие конкуренцию архитектурным символам национального государства. Сегодня столичный город олицетворяет не только военное и политическое могущество страны, но — все в большей мере — и ее потенциал экономического развития⁴⁴. (В некоторых случаях растущее влияние коммерческой деятельности на жизнь столи-

42. Antoniou J. Op. cit. P. 12.

43. Sutcliffe A. Op. cit. P. 198.

44. Von Beyme K. Op. cit. P. 25.

цы приводило к тому, что лидер государства принимал решение о переносе правительства в новое, менее опасное место: так случилось, к примеру, в XX веке в Бразилии.) Государственное вмешательство все больше и больше было нацелено на управление динамикой частного предпринимательства и строительства, что создавало новые отношения между правительством и частным сектором. Рост влияния и самостоятельности берлинского среднего класса, не входившего в прусское правительство (а позднее — в правительство Германской империи), преобразил столицу в XIX–XX веках. Растущий престиж Берлина как *Weltstadt* (мирового города) по состоянию на начало XX века был в равной степени связан с его новым доминирующим положением в экономике и культуре и с его политической ролью столицы.

Описанные изменения стали причиной того, что столичный город XX века отличается от своего средневекового собрата так же, как современное национальное государство отличается от своих предшественников: королевств, герцогств, княжеств и империй. Произошел переход от культуры королевского двора к культуре государственной бюрократии. Движение в направлении демократии, децентрализации, федерализма, затем — капитализма и интернационализма оставило свой след на то, где располагалось правительство. Если раньше в городском пейзаже доминировали купол дворца и шпиль собора, то позднее им на смену пришли башня ратуши, дымовая труба завода, прибрежные склады, высотные торговые здания и телебашни. Развитие современной столицы национального государства привело к появлению новой, более разнообразной застройки столичных городов.

Трансформация столиц в XX веке

Путь к современной, типичной для XX века столице сопровождался головокружительным ростом, изменениями и усложнениями, но он также привел к отказу от традиционного центрального и доминирующего положения столицы. Современные столичные города до сих пор подчас остаются символическими, политическими и экономическими центрами, однако в посвященной столицам литературе часто говорится о том, что зенит их славы, равно как и пик развития национальных государств, остался в прошлом⁴⁵. Одной из точек перелома, безусловно, стала Первая мировая война, разрушившая три европейских монархии (Германию, Австро-Венгрию и Россию) и уничтожившая идентичность столичных Берлина, Вены и Петербурга как центров абсолютной власти. Кризис неопределенности и стабильности, пе-

45. Sutcliffe A. Op. cit. P. 199.

режитый послевоенными европейскими городами-государствами, отразился на их столицах — он нашел выражение даже в том, как упорно диктаторы в своем стремлении усилить милитаристский национализм обращались к неоклассическим архитектурным символам. Послевоенная Вена так и не смогла вновь вернуться к своему *fin-de-siècle*⁴⁶ статусу энергичного, современного столичного города⁴⁷. Дунайская столица Габсбургов быстро уступила свою извечную роль главного германского города стоящей на Шпрее немецкой столице. Однако Берлин, стремительно ставший решительно современным столичным городом, должен был пройти через катастрофу, чтобы затем достичь стабильности и зрелости. Хотя в межвоенный период Берлин был знаменит благодаря новшествам в сфере культуры и промышленности, город не сумел избежать кризиса после 1918 года: его 26-летнее пребывание в статусе столицы хрупкой, слабой демократии завершилось в 1933 году с приходом к власти национал-социалистов⁴⁸.

Для многих Париж остается совершенным образцом столичного города в эпоху расцвета. «Если говорить о столицах, мы скажем, что Берлин, безусловно, не Германия; Рим, безусловно, не Италия; Вашингтон — не Соединенные Штаты, но вот Париж, Париж — это, *безусловно*, Франция»⁴⁹. Действительно, признание Парижа самой красивой европейской столицей сделало его предметом зависти для Германии и привело к возникновению представления о том, что если Берлин не столь красив, как французская столица, то он хотя бы может стать больше ее: «Разве Париж не был прекрасен? Но Берлин должен стать еще более прекрасным. Раньше я часто думал о том, не следует ли нам разрушить Париж; но, когда мы закончим работы в Берлине, Париж станет лишь тенью, и потому зачем нам разрушать его?»⁵⁰ Париж представлял собой сочетание всех необходимых составляющих имперской, индустриальной столицы государства:

Наполеон III и Осман перестроили Париж как раз тогда, когда город уже был готов стать совершенным образцом современной столицы. Строительство железных дорог упростило доступ к Парижу, а всемирные выставки, проводившиеся с 1855 года, продемонстрировали, что французское правительство хочет сполна использовать все свои возможности. Начиная с 1860-х годов другие столичные города принялись подражать Парижу или хотя бы

46. Характерный для конца XIX века, декадентский, модернистский.

47. См.: Schorske C. E. *Fin-de-siècle Vienna: politics and culture*. N.Y.: Vintage Books, 1981.

48. См.: Friedrich O. *Before the Deluge: A Portrait of Berlin in the 1920s*. N.Y.: Harper and Row, 1972.

49. Gunther J. *Twelve Cities*. N.Y.: Harper and Row, 1969. P. 46.

50. *Inside the Third Reich*. N.Y.: Avon, 1970. P. 172.

копировать некоторые его черты <...> Париж оставался образцом для подражания до конца Второй мировой войны, когда материальный пример Нью-Йорка и по преимуществу теоретический идеал модернизма пришли на смену османовской столице, заменив ее городом башен и автодорог⁵¹.

Это высказывание предполагает определенную несовместимость модернизма и традиционного представления об идеальной столице. Кто-то может считать разработанный Ле Корбюзье план реконструкции Парижа, в соответствии с которым созданный в XIX веке облик французской столицы должны были сменить модернистские высотные дома, не просто отказом от традиционного в пользу современного⁵², но отказом от прежней формы монументальной столицы в пользу нарождающейся светской модели столичного города. Если придуманные Корбюзье башни в парках были «машинами для жилья», то его план реконструкции Парижа представил машины для современного управления: власть в них выражалась в виде веры в централизованное управление, рациональное с технологической и административной точек зрения. В конечном счете созданный Корбюзье образ французской столицы, возможно, был не более точным, чем научно-фантастическое представление Жюль Верна о Париже 1960 года, созданное за век до этого⁵³. Неудача амбициозных планов Корбюзье свидетельствует о том, что если бы идеал классического столичного города нуждался в замене, то ему на смену пришло бы нечто отличное от модернистских параллельных и прямоугольных конструкций.

ТРИ УГРОЗЫ, ПОДСТЕРЕГАЮЩИЕ СТОЛИЦЫ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Характерные для современной эпохи быстрое развитие технологий и резкие изменения экономической и социальной среды в большинстве случаев значительно меняют облик столичных городов⁵⁴.

Сегодняшние столицы совсем не похожи на столичные города XIX века. Точно так же и в XXI веке столицы продолжают менять-

51. *Sutcliffe A.* Op. cit. P. 207.

52. См.: *Fishman R.* Urban Utopias in the Twentieth Century: Ebenezer Howard, Frank Lloyd Wright, and Le Corbusier. N.Y.: Basic Books, 1977; *Hall P.* Cities of Tomorrow. Oxford: Blackwell, 1988.

53. См.: *Verne J.* Paris in the Twentieth Century / R. Howard (trans.). N.Y.: Random House, 1996.

54. *Since Megalopolis.* P. 79.

ся в соответствии с более масштабной реструктуризацией национального государства и с принципами урбанизации. Весьма правдоподобным представляется предположение о том, что в будущем господству столиц будут угрожать следующие обстоятельства: упадок национального государства (как организма, обеспечивающего процветание и могущество столицы), господство глобальных городов, которые придут на смену столицам, и переход от материального столичного города к виртуальной сети столиц.

Упадок национального государства?

Прежней монополии столичных городов на власть и авторитет угрожают с двух разных сторон. Если брать более низкую ступень иерархии, то федеральные системы управления децентрализовали власть и перенесли ее из столиц государств в центры регионов. Кроме того, во многих странах после 1945 года были предприняты попытки децентрализации населения⁵⁵. Что касается более высокой иерархической ступени, то развитие наднациональных институтов (Европейский союз, Организация Объединенных Наций, НАТО и т. д.) надстроило новый уровень политической власти над властью национальных государств, а значит, и над властью столиц. Современные антиправительственные настроения, отмечающиеся в различных странах, также угрожают господствующей роли столичных городов:

Столицы процветают благодаря *дирижизму* [государственному планированию и контролю экономики]: когда в деле принятия решений на смену высшим должностным лицам приходит случайный потребительский выбор, позиции прежних планировщиков и распределителей теряют свое влияние и значимость... «новый плюрализм» может изменить роль столичных городов в жизни местного населения⁵⁶.

Кроме того, столичные города страдают от более широкой децентрализации, выражающейся в переезде городского населения в пригороды.

Пятидесятилетняя история Бонна как столицы Западной Германии (1949–1999) демонстрирует, каким образом изменения в национальном государстве преобразили функции государственной столицы. Сто лет назад основу могущества Берлина составили централизованная государственная власть, созданная правительством обширная транспортная инфраструктура

55. Hall P. The Changing Role of Capital Cities: Six Types of Capital City // Capital Cities / Les Capitales. P. 79.

56. Meisel J. Capital Cities: What is a Capital? // Capital Cities / Les Capitales. P. 4.

(водное сообщение, железные дороги, автомобили, воздушный транспорт), значительное военное присутствие, массированная урбанизация, в том числе за счет иммиграции, военные победы над европейскими соседями и господство в производственной сфере (к примеру, электронный концерн *Siemens*), финансовой сфере и культуре. Бонн же, напротив, был скромным административным центром, не имевшим влияния в торговле или промышленности. Бонн управлял удивительно децентрализованной, федеративной страной, в которой господство в экономике и конкретных отраслях промышленности явно принадлежало различным городам (Франкфурту, Мюнхену, Гамбургу, Кёльну, Штутгарту, Дюссельдорфу и т.д.). В Германии возникло пространственное разделение политической, военной, промышленной и финансовой мощи, аналогов которому не было ни в Пруссии, ни в Германской империи. Одни лишь демографические масштабы Берлина и его космополитический образ жизни уже превращают его в столицу, совершенно непохожую на Бонн, однако послевоенный пример Бонна как «административной столицы» столь же важен для столичного города Берлина, как и его собственное пребывание в XIX веке в статусе «столицы империи».

Развитие глобальных городов

Экономические изменения также угрожают традиционной роли столиц. Сегодня благодаря международным экономическим рынкам глобальные города превращаются в своеобразный центр управления зданием империи финансового капитала: такой центр управления одновременно и сохраняет традиционную позицию столичного города в здании национальной империи, и расшатывает ее⁵⁷. Переход от производства к услугам как основе городской экономики также повлиял на столичные города и их отношения с прочими городами в государстве. Экономическая реструктуризация привела к отходу от традиционного разделения на промышленные города и столицы (или, по-немецки, на *Industriestadt* и *Residenzstadt*⁵⁸). Если замок был символическим центром города в эпоху феодализма, а фабрика — в период развития промышленности, то новыми центрами недавно возникших современных городов стали банки, штаб-квартиры корпораций и прочие городские высотные здания. Сегодня столица и глобальный город противопоставле-

57. См.: World Cities in a World-System / P.L. Knox, P.J. Taylor (eds.). Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 1995; Sassen S. The Global City. N.Y.; L.; Tokyo; Princeton: Princeton University Press, 1991.

58. См. прим. 11 и 12.

ны друг другу. В каких-то странах их функции выполняют два разных города (такие как Нью-Йорк и Вашингтон), а где-то эти функции объединяются в одном городе (Токио, Лондон, Париж).

Берлину доставляют неудобства и глобализация, и деиндустриализация: Франкфурт обошел его, став международным финансовым центром Германии, в то время как Берлин продолжает страдать от массовой безработицы, причина которой — устаревшая промышленная база города. Кроме того, децентрализация и сокращение штатов в немецком федеральном правительстве означают, что после 1999 года в Берлине рост количества рабочих мест в государственном секторе не сумеет уравновесить потерю рабочих мест в промышленности.

Таким образом, будущее столичных городов представляется неоднозначным. Современная ориентация постиндустриальных государств на сферу услуг подрывает устои столиц, находящихся в сильной зависимости от производства, однако она может принести пользу другим столицам, в которых имеется развитый частный сектор, предоставляющий перспективные услуги (таковы, например, Лондон и Токио). Административные учреждения и управленческие кадры столичного города в сочетании с частным сектором, предоставляющим перспективные услуги, способствуют возникновению в столицах потенциально полезной государственно-частной синергии — точно так же, как в столичных городах XIX века существовали симбиотические отношения между частным производством и войсками, инфраструктурой и потребительскими нуждами государства.

Однако независимость предоставляющего услуги частного сектора может предопределить будущую географию государственной администрации. Если, как утверждают некоторые исследователи, мы движемся к пространству потоков, но не к пространству конкретных мест⁵⁹ и если сеть становится более важной, чем узловая точка, то география политической власти может совершить переход от узлового центра (крепость, дворец, барочная столица) к сети (институциональные и инфраструктурные связи внутри децентрализованной системы управления).

Переход к виртуальным столицам?

В конце концов, действительно ли точечная столица все еще необходима? Мы можем представить себе новую политическую географию, отошедшую от крайне традиционного представления о том, что политическая власть должна быть физически сконцентрирована в одном центре — в городе. Подобно зарожда-

59. См.: *Castells M. Op. cit.*

ющимся сегодня виртуальным офисам и виртуальным корпорациям, правительство могло бы оставаться институционально централизованным, но при этом размещаться в различных местах. В «виртуальной столице» существовал бы электронный парламент или конгресс, где были бы напрямую представлены все регионы страны. Новый сценарий подразумевает существование не привязанного к конкретному месту столичного города: государство без столицы, но с рассредоточенной в пространстве сетью органов политического управления и контроля. Логическим следствием такого сценария станет прямая демократия, обеспечиваемая за счет интернета и в результате ведущая не к марксистскому отрицанию государства, но, скорее, к отрицанию столицы. Всемирная паутина придет на смену всемирно значимому городу. Действительно, в соответствии с одним из вариантов развития Путраджайи, новой административной столицы Малайзии, на смену бюрократическому делопроизводству придут интернет и прочие формы цифрового общения между правительственными учреждениями⁶⁰.

Ирония в том, что такая ситуация может свидетельствовать о возврате к модели столицы, созданной Александром Македонским, и отход от модели Платона, предполагавшей единое местоположение. Считается, что в ответ на вопрос о том, где бы ему хотелось разместить столицу своей империи, Александр Македонский «якобы накрыл рукой карту и пальцами указал различные направления...», что свидетельствовало о его нежелании выбрать одно-единственное место для столицы⁶¹. Если платоновская модель описывает современную столицу, то модель Александра Великого могла бы стать описанием столицы постсовременной.

НЕ ИСЧЕЗАТЬ: ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ И ИХ СТОЛИЦ

Описанные обстоятельства, угрожающие современному превосходству столиц, вызываясь привлекательны с теоретической точки зрения и в то же время имеют некоторые эмпирические обоснования. Тем не менее утверждения о том, что новая транснациональная система глобальных городов придет на сме-

60. См.: *Landler M.* Putrajaya Journal: A Leader's Buildings Succeed — in Excess at Least // *The New York Times*. July 10, 1999. A4; *Putrajaya Wetlands*. Kuala Lumpur: Perbadanan Putrajaya and Putrajaya Holdings, 1999.

61. *Since Megalopolis*. P. 29; *Laponce J. A.* Ottawa, Christaller, Horowitz and Parsons // *Capital Cities / Les Capitales*. P. 412.

ну государственным границам, государственным правительствам и столицам, не имеют исторического обоснования и никак не связаны с сегодняшней действительностью. Возникновение глобальных городов сложным образом связано с подъемом национальных государств, а значит, и со столицами, которые управляют этими государствами. Глобальные города действительно имеют сильные внутрисетевые связи с другими такими городами во всем мире; зачастую они действительно практически не зависят в экономическом и общественном плане от традиционно организованных регионов своей страны; в глобальных городах действительно развивается стандартизированная культура и инфраструктура оказания качественных услуг (сюда входят в том числе общественные здания, оборудованные аэропорты, гостиничные сети и прочие элементы деловой инфраструктуры). Тем не менее то, что доминирующие глобальные города расположены в государствах, доминирующих в мировой торговле, — точно не простое совпадение. Для политической экономии столичных городов важна непрерывная взаимосвязь между деятельностью государственного правительства и глобальной экономикой в рамках процесса урбанизации. Наличие тесных связей между столицами и так называемыми глобальными городами свидетельствует о том, что национальный контекст существования крупных городов все еще крайне важен, хотя сегодня ситуация меняется. Пока национальные государства ведут войны, охраняют границы, регулируют потоки мигрантов и торговлю, выпускают национальную валюту, предоставляют гражданство, а также сопутствующие права и обязанности, они полностью не откажутся от своих полномочий в пользу сети глобальных городов. Подобный переход власти станет противоположностью тому, который имел место несколько столетий тому назад, когда власть перешла от городов-государств к национальным государствам. А такое возвращение к постмодернистской версии Ганзейского союза свободных торговых городов представляется нереалистичным.

Возникновение наднациональных организаций и правительственных органов создает еще одну категорию политически активных городов — помимо столиц государств. Это важное и весьма интересное явление, которое необходимо подробно изучить в ближайшем будущем, особенно в том случае, если объем международного сотрудничества и договорных обязательств в сфере торговли, кредитно-денежной политики, миротворческих сил и социальной политики так и продолжит увеличиваться. Тем не менее власть городов, в которых располагаются международные организации (таких как Страсбург, Брюссель, Женева), вряд ли придет на смену власти столиц. Напротив, эти

города дополняют сеть столиц государств и, скорее всего, создадут на карте мира дополнительную сеть.

Наконец, насколько обоснованной является идея «виртуальной столицы» (наряду с виртуальной корпорацией, виртуальным университетом и виртуальной городской администрацией)? В ближайшем будущем виртуальная столица вряд ли заменит Вашингтон, Лондон, Берлин или Токио. История хранит воспоминания о том, как восторженные послевоенные предсказания радикальной децентрализации, связанной с развитием технологий, встретили сопротивление сил новой централизации. Главенство центра было восстановлено, пусть даже и в совершенно ином пространстве. Наиболее вероятной моделью столичного города XXI века представляется сочетание единого полюса централизованных столичных функций с децентрализованностью административных сетей, то есть правительственное пространство, объединяющее центр и разнонаправленные потоки. Примеры подобной организации уже можно увидеть в федеративных странах, таких как Германия или Соединенные Штаты Америки, где окружные суды, региональные представительства, децентрализованные исследовательские институты и учреждения осуществляют правительственные функции за пределами столицы. Даже сегодняшние попытки Малайзии создать в новой административной столице страны, Путраджайе, онлайн-правительство, предполагают, что административные службы, связанные между собой через интернет, будут базироваться в традиционном столичном ландшафте барочных масштабов и претензий. В этом выражается весь дуализм высоких технологий и представительских функций. Действия малазийской администрации соответствуют риторике пространства информационных потоков, однако эта администрация строит величественные дворцы, вновь создавая монументальное пространство в отдельном и примечательном месте⁶². Политическая власть государства — сложная система, а столичные города не только осуществляют техническое управление, но и занимаются концентрацией, устойчивым развитием и идеологическим представительством власти.

Такая разнородность пространства еще более выражена в частном секторе. Крупные фирмы больше не испытывают необходимости в том, чтобы располагаться целиком под одной крышей и на одной территории; теперь они предпочитают иметь представительства по всему миру⁶³. Тем не менее, несмотря на наличие множества представительств, заводов, иссле-

62. См.: Putrajaya Wetlands.

63. См.: Massey D. *Spatial Divisions of Labor: Social Structures and the Geography of Production*. N.Y.: Methuen, 1984.

довательских и распределительных центров, компании до сих пор обычно имеют одну штаб-квартиру. Точно так же развитие технопригородов, городов-спутников, удаленных от центра пригородных зеленых зон и международного аутсорсинга, не устранило необходимость в централизованной администрации и свободном доступе к коммерческим услугам, часто предоставляемым в крупных столичных центрах (в том числе в глобальных городах).

Аналогичным образом можно представить себе продолжающуюся децентрализацию некоторых правительственных функций (подобную сегодняшним попыткам Соединенных Штатов Америки перенести власть с федерального уровня на уровень штата). Тем не менее столичный город все равно останется административным центром и центром власти. Построение сетей вряд ли избавит от необходимости единого, постоянного места встречи (такого как здание парламента) для избранных представителей — точно так же, как развитие электронной торговли и биржи NASDAQ не привело к закрытию Нью-Йоркской фондовой биржи на Уолл-стрит. Представляя собой два варианта «информационных городов», и столицы, и глобальные города сохраняют значительные центростремительные силы, укрепляющие постоянную кластеризацию политической и экономической власти в конкретных местах.

В действительности правительственный сектор, вероятно, выигрывает от агломерации гораздо больше, чем любой частный сектор. На то есть множество причин: личное общение, человеческий фактор в лоббировании конкретных интересов, нестандартизированные новшества в политической работе, убедительное преимущество за счет манипулирования государственными историческими символами в столице страны, а также страх, что географическая изоляция приведет к потере политического влияния. Все эти центростремительные силы политической власти способны негативно повлиять на попытки создания виртуальной столицы. Возникновение виртуального рынка, виртуальной корпорации или виртуального университета куда более вероятно, нежели появление виртуального правительства.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ «МЕСТНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ»

Дихотомия «местное–глобальное» может быть полезна при описании мультикультурного объединения политического, социального и экономического опыта в современном городе. Но такая дихотомия дает лишь частичное описание многочислен-

ных внутренних противоречий, существующих в любом городе и уж тем более в столице. Сам по себе «местный» уровень — это чрезмерное упрощение существующего множества интересов и групп, от объединений местных жителей-активистов до механизмов городского самоуправления. Глобальный уровень включает и корпоративные представительства компаний, ориентированных на международный рынок, и посольства иностранных государств. Между двумя указанными уровнями помещается третий: правительство страны с его административными зданиями и памятниками. В столичном городе сходятся в одной точке не только местные и глобальные интересы; в нем сливаются воедино местные и государственные, а также государственные и мировые интересы.

Здесь я лишь кратко коснусь конфликта государственных и мировых интересов, хотя эта дихотомия является основной для идентичности столичного города. Столица — место сосредоточения сил мирового капитала и иностранных государств, а также противодействующих им сил национализма, протекционизма и прочих внутренних интересов. В этом состоит парадокс столицы, являющейся отражением особенностей государства в эпоху глобализации, когда крупные города становятся все более похожими друг на друга. Возможно, основной задачей столичных городов остается преодоление такого противоречивого местного и международного давления. Как утверждает Энтони Кинг, «наиболее успешной столицей станет та, которая сумеет наилучшим образом сочетать в форме и пространстве своей застройки, в распределении своих ресурсов символы своего национального прошлого с отображением быстро меняющихся характеристик глобальной современности»⁶⁴.

Подобно прочим городам, столицы сталкиваются с мощным давлением в условиях глобализации мировых рынков, мировой культуры и информации. Тем не менее существует множество препятствий возникновению городов, которые были бы стандартизированы на общемировом уровне: это местное, территориальное сопротивление; интересы городского самоуправления столицы; национальные интересы. Несмотря на все усилия националистической архитектуры, столичные города редко являются собой чистое выражение национальной, внутренней идентичности и культуры; напротив, они предстают в виде более сложной структуры: смеси местных, городских, государственных и глобальных идентичностей. Ниже я рассмотрю соотношение местного и государственного.

64. King A. Op. cit. P. 276.

Столица — местоположение правительства государства, олицетворение государственной власти и культуры. Но, кроме того, это еще отдельный город со своей местной культурой и городской политической структурой. Органы местного самоуправления в столицах обычно действуют в тени государственного правительства и обладают более ограниченной властью и ресурсами, нежели во всех прочих городах. Городское правительство — при совпадении интересов — подчас сотрудничает с более крупным и влиятельным правительством страны, однако обычно проигрывает борьбу, если местные и государственные интересы не совпадают. Такое внутреннее противоречие обычно дает два повода для споров. Во-первых, сколько власти и автономии должны иметь местные органы самоуправления столичных городов? Во-вторых, как в столичных городах должны разрешаться конфликты между местными и государственными интересами?

Территориальное управление столиц различается в разных странах, при этом существует не менее трех его моделей: (1) особый отдельный правительственный квартал (как в Вашингтоне, округ Колумбия); (2) двойной статус города и региона или федеральной земли (как у Берлина); (3) включение в федеральную или государственную политическую географию наравне с другими городами государства (к примеру, Бонн)^х.

От чего зависит то, какую из указанных моделей выберет государство? Безусловно, ключевую роль здесь играет внутренняя политическая структура страны (в том числе уровень ее централизации). Но территориально-административное устройство столицы, равно как и ее расположение, связано одновременно и со случайным стечением обстоятельств, и с историческими причинами, и с относительным политическим и экономическим могуществом столичного города, и с соотношением полномочий, которыми обладают региональные и государственные политические силы. Попытки изменить такое соотношение полномочий, установившееся на местном, региональном и государственном уровнях, часто приводят к изменению административной структуры столичного города. В 1995 году руководство Берлина и земли Бранденбург, в пределах которой он расположен, предприняло попытку объединения двух земель и соответственного перехода от второй к третьей модели столичного города. Такое объединение привело бы к большей экономии и большей согласованности деятельности столицы и региона в том, что касается транспортного планирования, сохранения незастроенных территорий, отдыха, образования, социальной политики и прочего.

Участники голосования из более крупной по размерам, но менее населенной и более бедной земли Бранденбург отвергли это предложение, боясь, что их интересы в рамках союза с более богатым и сильным Берлином будут забыты⁶⁵.

По сути, ни одна из трех моделей не имеет преимуществ по сравнению с двумя оставшимися. Роуэт утверждает, что «федеральные округа особенно уместны в децентрализованных федеративных государствах, где четкое разделение власти между центральным правительством и правительством округа в ином случае лишило бы центральное правительство адекватного контроля над собственной столицей»⁶⁶. Тем не менее случай Вашингтона выявляет недостатки существования отдельных федеральных округов в случае, если правительство оказывает столице лишь незначительную поддержку — в особенности это относится к столичным городам, для которых характерна большая степень сегрегации и наличие значительных низших слоев общества. И напротив, Западной Германии удалось обеспечить адекватный контроль над своей столицей, Бонном, несмотря на то что город входил в состав земли Северный Рейн-Вестфалия. Кроме того, сегодняшнее немецкое правительство сумело отстоять свои интересы при проектировании нового правительственного квартала в центре Берлина и поставить их выше интересов Берлина как города и федеральной земли, а также выше интересов окружающих регионов.

Наконец, столицы, функционирующие как отдельные национальные округа (таков случай федерального округа Мехико), лучше всего чувствуют себя в случае, если государство оказывает столице значительную поддержку; если сам город обладает сильной и прибыльной местной экономикой; если столица может опираться на мощный средний и высший средний классы, на профессионалов высокого уровня; если столичный город имеет возможность использовать ресурсы окружающих его негородских территорий. Урок, полученный на примере Америки, демонстрирует все опасности, возникающие в случае невыполнения этих условий. Основные источники трудностей Вашингтона — не отсутствие статуса штата и не невозможность получить прибыль от налогов, собираемых на прилежащих к городу территориях штатов Мэриленд и Вирджиния; это одновременно и причины, и побочные следствия. Вашингтон гораздо в боль-

65. См.: *Heiser M. Failed Fusion Between Berlin and Brandenburg: Lack of Democratic Political Culture in the Former DDR?* Los Altos, CA: Foothill College, 1996 (unpublished); *Back to Prussia: Germany (Berlin to merge with Brandenburg state)* // *The Economist*. April 8, 1995. № 47–48.

66. *Rowat D. C. Ways of Governing Federal Capitals* // *Capital Cities / Les Capitales*. P. 166–167.

шей мере страдает от пренебрежения на федеральном уровне, от американского антиурбанизма и упорной взаимной дискриминации города и пригорода — иными словами, от фундаментальной незаинтересованности государства в судьбе своей столицы. Или, точнее: несмотря на *наличие* заинтересованности государства в Вашингтоне — в узком смысле создания условий, необходимых для работы государственного правительственного центра, — нет более широкой заинтересованности государства в том, чтобы обеспечить адекватную поддержку городу, его бедствующим институтам городского самоуправления, его слабо защищенным жителям.

*Местное и государственное: конфликт интересов
в столичном городе*

В средневековой Западной Европе города развивались не только как особые в экологическом плане пространства, не только как густонаселенные поселения, занятые особой городской производительной и коммерческой деятельностью, но и как места, обладающие политической автономией. Такая автономия часто приобреталась вопреки явному сопротивлению со стороны местного правителя и его представителей (в Италии и Германии в этом качестве часто выступали епископы), или со стороны феодального элемента, или же и тех и других. <...> Таким образом, рост влияния городов стал признаком появления новой политической силы в системе управления, которая прежде на всех уровнях была подконтрольна двум участникам отношений «сеньор-вассал». <...> Обычно города завоевывали свои позиции — или повторно завоевывали их спустя столетия упадка и забвения — оригинальным, доселе не имевшим аналогов способом, предполагавшим создание или политическое возрождение *центров единичных действий, осуществляемых людьми, каждый из которых по отдельности не имеет никаких прав*. Так, города требовали предоставления им прав, являвшихся корпоративными по своей природе, то есть таких, которые даются отдельным людям только в связи с тем, что эти люди являются членами общности, способной действовать в качестве цельной единицы⁶⁷.

Обычно городское самоуправление столичных городов вынуждено бороться за обретение легитимности, ресурсов и самостоятельности в городе, где очевидно доминирующую позицию занимает государственное правительство. Государственное правительство не только заявляет о своих правах в том случае, если его интересы напрямую противоречат интересам местного пра-

67. Poggi G. The Development of the Modern State: A Sociological Introduction. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 36–37.

вительства, но также часто вмешивается в вопросы местного масштаба, в том числе и в такие, которые явно не связаны с интересами государства⁶⁸.

Правительства столичных городов восставали против неравенства власти, пытались обустроить свои собственные дела вопреки интересам правительства страны <...> им приходилось бороться против *других национальных* приоритетов за реальное осуществление действий на местном уровне⁶⁹.

Даже в Париже, в городе, который принято считать образцом доминирующей, в высшей степени централизованной столицы, обладающей огромной властью, городское управление до сих пор часто действует вопреки руководству страны⁷⁰. Подобному конфликту нипочем идеологические границы: он характерен и для таких бывших коммунистических столиц, как Москва; в последнем случае город конкурирует с приоритетами государства в военной, промышленной и прочих сферах⁷¹. Этот конфликт местного и государственного не нов.

Статус столицы был лишь отчасти выгоден жителям города. Города обычно проигрывали в борьбе между местной автономией и королевской властью. Лишь в епископских городах часто бывало так, что епископ, не способный противостоять бунтующим горожанам, переносил свою резиденцию в провинцию: из Кёльна в Бонн, из Аугсбурга в Диллинген, из Шпайера в Брухзаль⁷².

Еще до наступления современной эпохи национальных государств города представляли собой все более значительную и все более самостоятельную силу, конкурировавшую с могуществом других центров власти. Городские стены и городское ополчение обеспечивали поддержку растущему экономическому потенциалу города. Хобсбаум отмечает, что «Фридрих Великий вознегодовал, когда верноподданные берлинцы предложили ему помощь в отражении подступавших к столице русских войск: война, считал король, это дело солдат, а не штатских»⁷³.

Эти взаимоотношения создают совершенно иную местную идентичность столичных жителей, которые ежедневно имеют дело с правительством государства. Они видят работу правительства с изнаночной стороны и одновременно с позиции

68. Rowat D. C. Op. cit. P. 152–153.

69. World Capitals. P. 510.

70. Since Megalopolis. P. 69.

71. World Capitals. P. 510.

72. Von Beyme K. Op. cit. P. 15–16.

73. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетей, 1998.

внутригосударственной аудитории, и это не только создает более тесную связь между правительством страны и столичными жителями, но и позволяет последним с близкого расстояния оценить противоречия между структурой правительства и его внешним обликом. Жителям столицы не нужно богатое воображение, чтобы представить себе «воображаемое сообщество» национального государства, ведь в своей повседневной жизни они постоянно видят государственные памятники, здания, статуи, парки и украшенные скульптурами проспекты. Однако столичные жители парадоксальным образом могут также ощущать огромное несоответствие между воображаемым сообществом и их собственным, будничным, районным и городским сообществом, в особенности если жители видят, что такой парадный фасад национального государства создается, скорее, для гостей извне, нежели для них самих⁷⁴.

Тем не менее не следует рассматривать взаимоотношения города и правительства страны исключительно в виде взаимоотношений местного Давида и государственного Голиафа. Столица может быть жертвой своего положения в государстве, но может и извлекать из него выгоду. Каждому столичному городу следовало бы провести анализ собственной экономической эффективности и выяснить, существует ли честное распределение расходов между государственным и местным правительством. Но даже если такой анализ экономической эффективности был бы возможен, полученное соотношение, скорее всего, определило бы лишь воздействие того факта, что в городе размещается правительство страны, на экономику и налоговую систему, но не — более широко — на общество и политическую систему. В итоге очень непросто найти «точное равновесие между интересами местных жителей и интересами государства»⁷⁴ или добиться такого равновесия. Как отмечает Паке,

...местные жители жалуются на государственные и международные ограничения, налагаемые на развитие города, однако получают ощутимые преимущества в том, что касается качества жизни; жители всего государства жалуются на избыточную стоимость торжественных церемоний, сопровождающих национальные праздники, однако восхваляют свою страну, едва лишь выезжают за ее пределы...⁷⁵

Таким образом, взаимоотношения местного и государственного в столичных городах — сложные, симбиотические взаимоотно-

74. Rowat D. C. Op. cit. P. 165.

75. Paquet G. Op. cit. P. 273–274.

шения, имеющие значительные отличия для каждого конкретного государства и каждой конкретной эпохи. Такие взаимоотношения — одновременно и зависимость, и синергия, и эксплуатация, и оппортунизм.

ОБОБЩЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ

В буквальном смысле исследование столиц — по сути своей исследование исключений: в большинстве стран имеется одна-единственная столица (есть несколько исключений: в Голландии или Южной Африке по две столицы). На первом уровне обобщения каждая столица — просто одна из многих столиц государств. (Несмотря на то что между столицами государств и столицами штатов/регионов имеется определенное сходство, их соответственные органы власти, символы, военные функции и роли в деле контроля границ порой столь различны, что их следует рассматривать как отдельные типы городов.) В более широком смысле столицы государств — часть более крупного класса «правительственных городов»: это города, которые находятся в необычно высокой зависимости от расходов правительства страны и/или города и основной функцией которых является служение широким интересам государства в военной, стратегической, административной или символической сфере.

Вторая стратегия обобщения состоит в рассмотрении столичных городов не только как места, где располагается парламент страны, но и как места, где соединяются экономические интересы и политическое могущество государства. Преобладание столиц государств в списке городов, имеющих глобальное значение в мировой экономике⁷⁶, указывает на сложную взаимосвязь государственных и частных интересов в экономическом развитии столичного города. Соответственно, исследование глобальных городов, *не* являющихся столицами государств (таких как Нью-Йорк, Торонто, Лос-Анджелес, Шанхай, Франкфурт, Сидней), дает нам полезное сопоставление с глобальными городами, одновременно являющимися столицами. Кроме того, в целом ценность исследования столиц состоит не только в создании представления о таком типе городов, но также в понимании более широкой взаимосвязи политических и экономических сетей внутри развивающейся всемирной системы городов.

76. См.: *Friedmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. Iss. 1. P. 69–83; Sassen S. Op. cit.; Taylor P. J. Op. cit.*

Хотя исследования столиц всегда и во многом пересекаются с обширными исследованиями глобальных городов, теоретические обобщения в этих двух видах исследований различны. Важная тема в литературе, посвященной глобальным городам, — растущее единообразие глобальных городов или хотя бы их деловых центров. Увеличение глобальной конкуренции между городами требует стандартизации рынков, валют, информационных систем, услуг корпоративной поддержки и рынков труда. Для архитекторов и проектировщиков очевидным результатом этого становится движение в сторону стандартизации глобального внешнего облика и глобальной инфраструктуры, проявляющейся в архитектуре терминалов аэропортов, пятизвездочных гостиничных сетей и дорогих ресторанов, корпоративных небоскребов и фитнес-клубов. Такое единообразие упрощает адаптацию путешественника, совершающего поездки по всему миру, ведь культурные различия между странами оказываются сведенными к приятным и едва заметным различиям в кухне, развлечениях и архитектурных стилях. Немногочисленные корректировки, которые все еще приходится делать глобальному путешественнику, включают перевод часов на местное время, однако и эту проблему можно разрешить, создав новый внепроектный часовой пояс: глобальное время. Если перевести на единое время все часы в ресторанах, офисах, залах ожидания аэропортов и гостиницах, работающих в сфере обслуживания глобальной экономики (а также синхронизировать уличное освещение с гипотетическим рассветом и закатом в этом часовом поясе, вне зависимости от местного времени), то глобальному путешественнику не придется переводить часы, и он не будет страдать из-за смены часовых поясов^{xii}. Можно было бы даже формализовать эту идею, создав в крупных городах по всему миру «глобальные экономические зоны», подобные свободным экономическим зонам, где предоставлялись бы такие глобальные услуги и где были бы приняты единый часовой пояс, единое напряжение в электросети, единые валюта и язык.

Возможно, подобные идеи развития глобальной городской культуры со стандартизированными привычками, нормами и эстетикой несколько преувеличены (я имею в виду, в частности, свою идею глобального времени). Однако представления о глобальном городе часто включают идею о том, что конкуренция на мировом уровне превращается в масштабную экономическую игру в царя горы: города второго и третьего уровней борются за то, чтобы стать глобальными городами первого уровня (такими как Нью-Йорк, Лондон, Токио) не только за счет инноваций, освоения рынка и активной раскрутки, но и за счет подражания. В иерархической системе городов успеха можно до-

стичь, будучи таким же, как и все остальные, но только лучше. Вера в то, что сам процесс глобализации способствует стандартизации городов, в свою очередь, увеличивает масштабы теоретических обобщений в литературе, посвященной глобальным городам. Существует значительная тенденция к созданию обобщенного представления о глобальных городах в рамках единой теории и, как следствие, к тому, чтобы без колебаний говорить об архетипе «глобального города».

Гораздо сложнее говорить об образцовом, унифицированном столичном городе. Столицы значительно более разнообразны, чем глобальные города. Попытки найти предсказуемые, единообразные шаблоны в базе данных по столичным городам, принятые мною в рамках исследовательского проекта (этот проект еще не завершен), выявили незначительные корреляции и низкие коэффициенты детерминации^{xiii}. (В качестве переменных я рассматривал население, политическую структуру, плотность населения, доход на душу населения, главенство городской застройки и т. д.) Относительно более успешные попытки составления простых типологий и комбинационных таблиц позволяют предположить, что столицы — не вариации на тему одного прототипного столичного города (полезное предположение для регрессионного анализа); напротив, они примечательно неоднородны. Вероятно, наилучшие результаты даст сравнительное ситуационное исследование, более приспособленное для рассмотрения исключений и выпадающих значений⁷⁷.

Главная причина такого разнообразия столиц заключается в том, что эти города являются продуктом специфических национальных культур, истории, политических систем и идеологий. Поэтому делать обобщения в связи со столицами сложнее, чем в связи с глобальными городами. Однако это не означает того, что столицы — исключительные и уникальные творения: обычно столичные города также являются воротами, через которые в страну проникают мировая культура, политика, въезжают иностранные путешественники. А в тех столицах, которые к тому же представляют собой значительные экономические единицы, размещаются офисы международных компаний, формируются сообщества иммигрантов^{xiv}. (Вероятно, кто-то станет оптимистично утверждать, что общемировое стремление к установлению демократии, в свою очередь, приведет к большей стандартизации столиц.) Однако такие международные связи непременно сосуществуют и вступают в противоречие с внутренними националистическими, а порой и ксенофоб-

77. См.: Campbell S. Case Studies in Planning.

скими тенденциями^{xv}. Столичные города сохраняют свою специфику и лишь в незначительной степени могут быть приведены к единой теории урбанизации. Подытожим: частое для теории глобализации предположение о глобальном сближении внешнего облика городов нельзя с легкостью применить к столицам государств, пока они представляют собой сложную смесь глобальных черт и национальных особенностей.

ЗАМЕЧАНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ

i. Другие исследователи столичных городов повторяют эту триаду идентичностей столиц. Жиль Паке выделяет три роли столиц: общественно-политический форум, центр экономического производства и сбыта общественных благ и услуг, система символических ресурсов⁷⁸. Подобным же образом Клаус фон Бейме разделяет политическую, экономическую и культурную деятельность столицы, отмечая, что культурная деятельность зачастую оказывается более значимой, нежели деятельность экономическая⁷⁹. Милрой особо отмечает важность разделения «конституционного, политического, административного и правового значений термина „столица“, что позволит избежать блужданий по зыбкой почве»⁸⁰.

ii. Можно рассчитать эту зависимость путем сравнения значений занятости в государственном правительстве как процента от общей местной занятости для различных столиц. Фактор местоположения также связан со специфичностью деятельности правительства.

iii. Теоретически можно вообразить, что статус столицы определял бы роль города не в столь значительной мере, если бы государственное правительство было небольшим и неагрессивным. К примеру, если бы в правительстве государства работало всего несколько сотен людей, при этом работа их была идейно простой и не связанной с местом ее осуществления, то основной характеристикой города, в котором размещались бы эти несколько сотен чиновников, перестала быть его правительственная функция. То, что подобная роль правительственного города редко оказывается безобидной, демонстрирует драматические последствия пребывания в статусе столицы.

78. См.: *Paquet G.* Op. cit.

79. *Von Beyme K.* Op. cit. P. 15.

80. См.: *Milroy B. M.* Op. cit.

iv. Здесь можно также отметить определенные параллели с государственной сетью торговых предприятий: коммерческий центр государства одновременно и контролирует прибыль от купли-продажи на всей территории страны, и зависит от нее; точно так же столичный город контролирует доходы государства, полученные со всей территории страны, и одновременно зависит от них.

v. Питер Холл выделил семь типов столичных городов: (1) многофункциональные столицы (Лондон, Париж, Мадрид, Стокгольм); (2) разновидность того, что ранее называли мировыми столицами (Лондон, Токио); (3) политические столицы, не имеющие значительных коммерческих функций (Гаага, Бонн, Вашингтон, Оттава, Канберра, Бразилиа); (4) бывшие столицы (Берлин, Ленинград, Рио-де-Жанейро); (5) бывшие столицы империй (Лондон, Мадрид, Лиссабон, Вена); (6) административные центры, ранее обладавшие большей автономией внутри регионов (Турин, Штутгарт, Мюнхен, Монреаль); (7) суперстолицы, обслуживающие международное правительство и международные организации (Брюссель, Страсбург, Женева, Рим, Нью-Йорк)⁸¹. Жан Готтман выделил три схожих критерия классификации: оценка единства государства, сделанная с позиций столицы; системы внешних сношений; степень, в которой столица контролирует государство⁸².

vi. На протяжении XIX века Вашингтон, округ Колумбия, вынужден был в коллективном воображении американцев конкурировать с западными штатами за статус основного месторасположения «воображаемого сообщества» молодого государства. Возможно, небольшой город федерального значения в долине реки Потомак не был достойным соперником крупным городам, таким как Чикаго, Сент-Луис и прочим, расположенным еще западнее. Каким образом Вашингтон в XIX веке мог соперничать с переживающим экономический бум Чикаго — тем более в стране, считавшей своей основой скорее коммерческую выгоду, расширение территорий и использование ресурсов, нежели устаревшие европейские представления о строительстве государства из феодальной или имперской столицы? Не Вашингтон, а Чикаго стал центром новой разветвленной железнодорожной сети; молодые американцы отправлялись делать состояние в Чикаго, а не в столицу страны. Яр-

81. Hall P. The Changing Role of Capital Cities. P. 69–70.

82. Since Megalopolis. P. 79.

кое описание экономической жизни Чикаго в XIX веке дает Уильям Кронон⁸³.

vii. Не все бывшие столичные города переживают равный упадок в связи с утратой столичного статуса. Хотя население Москвы, достигшее к 1700 году 200 тыс., сократилось до 140 тыс. после того, как в 1713 году Петр Великий перенес столицу в Петербург, город оставался доминирующим экономическим центром вплоть до 1917 года, когда Ленин вернул столицу в Москву. «Критерием экономико-географической жизнеспособности Москвы и ее культурной значимости для „матушки-России“ стало то, что город пережил потерю политических и административных полномочий, но все же на протяжении следующих двух веков оставался великим российским городом»⁸⁴.

viii. Особый случай представляют города-государства, в которых столица и есть вся страна (современными аналогами таковых являются Монако и Сингапур). Если национальное государство развилось из города-государства, то роль столицы также является продуктом этой двойственности — все более явного совмещения города (местоположения органов власти) и государства (управляемой внутренней территории страны).

ix. Из-за усложнения структуры правительства становилось все сложнее следовать прежней модели и строить идеальную столицу, которая бы была прямым аналогом и идеальным отражением власти такого правительства.

Кульминационным моментом для создания столичных городов стала эпоха абсолютизма. Городские утопии, от Мора до Кампанеллы, уже были далеки от реального положения дел. Прежние представления оказались утопическими не только из-за своей частой привязки к социализму, но и из-за того, что они все еще предлагали строить государство как город — в те времена, когда расцвет городов-государств уже остался в далеком прошлом. Абсолютистскому территориальному государству нужны были распланированные города⁸⁵.

x. Западный Берлин во время холодной войны представлял собой особую, четвертую модель: это была столица, роль которой страны-союзники в 1945 году сочли столь значимой, что го-

83. См.: *Cronon W. Nature's metropolis: Chicago and the Great West*. 1st ed. N.Y.: W. W. Norton, 1991.

84. *Frolic B. M. Moscow: the Socialist Alternative // World Capitals*. P. 304.

85. *Von Beyme K.* Оp. cit. P. 24.

род был лишен столичных функций и управлялся союзниками совместно.

xi. В этом смысле символическая продукция, производимая столичными городами, представляет собой экспортную продукцию для внутреннего и международного рынков. Ситуация отдаленно напоминает тропический остров, где лучшие продукты предназначены для экспорта за наличный расчет, что в буквальном смысле лишает местное население плодов их собственного труда и их собственной земли.

xii. Опыт «джетлага» на деле окажется перенесенным на местных сотрудников, которые будут вынуждены пересмотреть свое расписание и скоординировать его с прибывшим к ним глобальным путешественником.

xiii. Вот основной эмпирический вопрос, который ставит перед собой будущее исследование: отличается ли траектория роста глобальных городов, являющихся столицами, и глобальных городов, не являющихся таковыми? То есть пойдет ли все большее количество городов по пути Торонто, Нью-Йорка, Франкфурта и Шанхая, иными словами по пути к статусу глобального города, или же столицы так и продолжают занимать высшие позиции в иерархии глобальных городов? И как будет развиваться экономика ныне существующих более скромных административных столиц (таких как Оттава, Канберра, Берн и даже Вашингтон), притом что взаимосвязи политических и экономических интересов продолжают меняться?

xiv. В послевоенном создании города Бразилиа, к примеру, можно увидеть одновременно и внутригосударственное утверждение существования бразильской национальной идентичности и политики, и широкомасштабную попытку попасть в ряды стран «первого мира», развитых стран через освоение интернационалистского, модернистского стиля.

xv. Столицы в значительной степени отличаются друг от друга по их ориентации внутрь страны (к примеру, Янгон или Кабул) или за ее пределы (к примеру, Лондон или Париж). Раньше перенос столицы часто происходил в связи с более широкой переменой в национально-политической ориентации страны. Перенос столицы из Стамбула в Анкару и из Петербурга обратно в Москву стал попыткой обратить политику страны к национальным, внутригосударственным приоритетам.

REFERENCES

- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities], Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001.
- Antoniou J. *Cities then & now*, New York, MacMillan, 1994.
- Back to Prussia: Germany (Berlin to merge with Brandenburg state). *The Economist*, April 8, 1995, no. 47–48.
- Burke P. The city-state. *States in History* (ed. J. Hall), Oxford, Basil Blackwell, 1986.
- Campbell S. Capital Reconstruction and Capital Accumulation in Berlin: A Reply to Peter Marcuse. *International Journal of Urban and Regional Research*, Winter 1999, vol. 23, pp. 173–179.
- Campbell S. Case Studies in Planning: Comparative Advantages and the Problem of Generalization. Paper read at the *Association of Collegiate Schools of Planning Conference*, November 5–8, 1998, Pasadena, CA.
- Campbell S. *Cold War Metropolis: the Fall and Rebirth of Berlin as a World City*, Minneapolis, University of Minnesota Press, forthcoming. Available at: <http://www-personal.umich.edu/%7Esdcamp/capitals/Ch2.html>.
- Castells M. *The Informational City*, London, Basil Blackwell, 1990.
- Chinitz B. Contrasts in Agglomeration: New York and Pittsburgh. *Journal of the American Economic Association*, May 1961, pp. 279–289.
- Clark P., Lepetit B., eds. *Capital cities and their hinterlands in early modern Europe*, Aldershot, England, Scolar Press, 1996.
- Cornish V. *The Great Capitals: An Historical Geography*, Westport, CT, Greenwood Press, 1971.
- Cronon W. *Nature's metropolis: Chicago and the Great West*, 1st ed., New York, W. W. Norton, 1991.
- Drewe P. Capital Cities in Europe: Directions for the Future. *Capital Cities / Les Capitales: Perspectives Internationales / International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Eickelpasch A., Pfeiffer I. Perspektiven der wirtschaftlichen Entwicklung in Berlin. *DIW Wochenbericht*, 1996, vol. 63, iss. 37, pp. 607–613.
- Eldredge H. W., ed. *World Capitals: Toward Guided Urbanization*. Garden City, NY, Anchor Press, Doubleday, 1975.
- Fishman R. *Bourgeois Utopias: the rise and fall of suburbia*, New York, Basic Books, 1987.
- Fishman R. *Urban Utopias in the Twentieth Century: Ebenezer Howard, Frank Lloyd Wright, and Le Corbusier*, New York, Basic Books, 1977.
- Friedmann J. The World City Hypothesis. *Development and Change*, 1986, vol. 17, iss. 1, pp. 69–83.
- Friedrich O. *Before the Deluge: A Portrait of Berlin in the 1920s*, New York, Harper and Row, 1972.
- Frolic B. M. Moscow: the Socialist Alternative. *World Capitals: Toward Guided Urbanization* (ed. H. W. Eldredge), Garden City, NY, Anchor Press, Doubleday, 1975.
- George A. Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison. *Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy* (ed. P. G. Lauren), New York, Free Press, 1979.
- Gottmann J. Capital Cities. *Ekistics*, 1983, no. 50 (299), pp. 88–93.
- Gottmann J. The Role of Capital Cities. *Ekistics*, November 1977, no. 264, pp. 240–243.
- Gottmann J. The Study of Former Capitals. *Ekistics*, September/October–November/December 1985, no. 314/315, pp. 541–546.
- Gottmann J., Harper R. A., eds. *Since Megalopolis: The Urban Writings of Jean Gottmann*, Baltimore, London, The Johns Hopkins University Press, 1990.

- Gunther J. *Twelve Cities*, New York, Harper and Row, 1969.
- Hall P. *Cities of Tomorrow*, Oxford, Blackwell, 1988.
- Hall P. The Changing Role of Capital Cities: Six Types of Capital City. *Capital Cities/Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Heiser M. *Failed Fusion Between Berlin and Brandenburg: Lack of Democratic Political Culture in the Former DDR?* Los Altos, CA, Foothill College, 1996 (unpublished).
- Hobsbawm E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and Nationalism since 1780], Saint Petersburg, Aleteia, 1998.
- King A. Cultural Hegemony and Capital Cities. *Capital Cities/Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Knox P. L., Taylor P. J., eds. *World Cities in a World-System*, Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1995.
- Landler M. Putrajaya Journal: A Leader's Buildings Succeed—in Excess at Least. *The New York Times*, July 10, 1999, A4.
- Laponce J. A. Ottawa, Christaller, Horowitz and Parsons. *Capital Cities/Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Markusen A., Hall P., Campbell S., Deitrick S. *The Rise of the Gunbelt: the Military Remapping of Industrial America*, Oxford, New York, Oxford University Press, 1991.
- Massey D. *Spatial Divisions of Labor: Social Structures and the Geography of Production*, New York, Methuen, 1984.
- Meisel J. Capital Cities: What is a Capital? *Capital Cities/Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Milroy B. M. Commentary: What is a Capital? *Capital Cities/Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Paquet G. Capital Cities as Symbolic Resources. *Capital Cities/Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Plessner H. *Die verspätete Nation: Über die Verführbarkeit bürgerlichen Geistes*, Frankfurt am Main, Neuauflage, 1974.
- Poggi G. *The Development of the Modern State: A Sociological Introduction*, Stanford, Stanford University Press, 1978.
- Putrajaya Wetlands*, Kuala Lumpur, Perbadanan Putrajaya and Putrajaya Holdings, 1999.
- Rapoport A. On the Nature of Capitals and their Physical Expression. *Capital Cities/Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Rostow W. *The Stages of Economic Growth*, Cambridge, Cambridge University Press, 1963.
- Rowat D. C. Ways of Governing Federal Capitals. *Capital Cities/Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Sassen S. *The Global City*, New York, London, Tokyo, Princeton, Princeton University Press, 1991.
- Schorske C. E. *Fin-de-siecle Vienna: politics and culture*, New York, Vintage Books, 1981.
- Speer A. *Inside the Third Reich*, New York, Avon, 1970.
- Squires G. D., ed. *Unequal Partnerships: the Political Economy of Urban Redevelopment in Postwar America*, New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, 1989.

- Sutcliffe A. Capital Cities: Does Form Follow Function? *Capital Cities / Les Capitales: Perspectives Internationales / International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Taylor J., Lengellé J. G., Andrew C., eds. *Capital Cities / Les Capitales: Perspectives Internationales / International Perspectives*, Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Taylor P. J. World cities and territorial states. *World Cities in a World-System* (eds. P. L. Knox, P. J. Taylor), Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1995.
- Vale L. J. *Architecture, Power, and National Identity*, New Haven, Yale University Press, 1992.
- Verne J. *Paris in the Twentieth Century* (trans. R. Howard), New York, Random House, 1996.
- Violich F. Caracas: Focus of the New Venezuela. *World Capitals: Toward Guided Urbanization* (ed. H. W. Eldredge), Garden City, NY, Anchor Press, Doubleday, 1975.
- Von Beyme K. *Hauptstadtssuche: Hauptstadtfunktionen im Interessenkonflikt zwischen Bonn und Berlin*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1991.
- Yin R. K. *Case Study Research: design and methods*, 2nd ed., Beverly Hills, Sage Publications, 1994.